

КОМПАНЬОНКА

*Марша
Кель*

Мариша Кель
Компаньонка

«Издательские решения»

Кель М.

Компаньонка / М. Кель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509830-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Молодая вдова графиня Валевская осталась с маленьким сыном, не имея средств к существованию. Предложив свои услуги в качестве компаньонки для дочери князя Ольденбургского, она попадает в его поместье, прикинувшись дальней родственницей, вдовой в высоком возрасте и трауре. Конечно же, в скором времени, Ольденбургский раскрывает ее обман, и тут начинается захватывающая история нежных чувств и глубоких тайн. Героям предстоит пройти через многое... Да прибудет с ними любовь. Ибо она сильна, как смерть.

ISBN 978-5-00-509830-6

© Кель М.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Компаньонка

Мариша Кель

Иллюстратор Елизавета Шарлова

Редактор Галина Николаевна Мельник

© Мариша Кель, 2019

© Елизавета Шарлова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-9830-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Май, 1837 год

– Ночь наиболее темна перед самым рассветом, – сказал мужчина, закинув руки за голову, и обратил свой взгляд к женщине, что лежала рядом. Она любовалась им, и об этом говорил её восхищённый взгляд.

– Я не люблю рассвет, – сказала она.

– Почему?

– С рассветом ты меня покидаешь...

Мужчина потянулся к женщине, и она покрыла поцелуями его красивое лицо.

Мужчина втянул носом воздух и скривился. В этот момент жестокость проявилась в его чертах.

– Постой, – приостановил он свою обожательницу.

– Ты чувствуешь?

– Что? – зачарованно спросила она.

– Дым! – Мужчина соскочил с кровати. – Запах дыма...

Мужчина еще раз втянул воздух.

– Так и есть! – подытожил он и кинулся к входной двери.

Распахнув двери настежь, мужчина выругался, увидев коридор, что ведёт к выходу. Охваченный огнём, он был беспросветен из-за чёрного дыма.

– Чёрт! – ещё раз выругался он и захлопнул дверь.

Женщина всё ещё лежала на кровати и смотрела на любовника обезумевшим взглядом.

Мужчина схватил табурет и швырнул его в окно. Стекло задребезжало и разлетелось на тысячи мелких осколков.

Он высунулся в разбитое окно и стал примеряться.

– Нет, – произнесла женщина упавшим голосом. – Не оставляй меня...

Мужчина оглянулся и встретился взглядом с глазами, полными слёз.

– Не оставляй... я умру...

Мужчина с нежностью посмотрел в лицо, которое ещё недавно целовал.

Он отвернулся от этого лица и посмотрел вниз. Потом залез на окно и прыгнул в темноту...

Женщина подбежала к окну и глянула вниз. Её зрачки расширились от ужаса высоты...

Она закричала:

– Помоги мне... Пожалуйста, не оставляй...

Совершенно бледная, она отступила от окна вглубь комнаты.

– Не оставляй... не оставляй меня... – прошептала она.

Все шепча эти заветные слова, она оседает на пол. Её душит приступ кашля из-за дыма, быстро наполняющего комнату. Сидя на полу, женщина закрывает глаза.

– Кити... моя Кити...

По её лицу катятся слезы, она теряет сознание.

Огонь с жадностью охватил кровать и ковры в спальне, перебрался на портьеры и начал подкрадываться к волосам женщины, разметавшимся по ковру. Вскоре вся комната запылала и утонула в огне.

Ночную тишину наполнили крики отчаяния и паники. Со всех окрестностей сбежались те, кто успел проснуться, и им ничего не остаётся, как бездейственно смотреть на голодное пламя, пожирающие Ольденбургское поместье.

Глава 1

18 лет спустя.

Поместье Ольденбургское. Белозёрская – одна из провинций Российской империи.

Май, 1855 год

Дилижанс остановился в роскошном поместье у особняка князя Ольденбургского. Из дилижанса выходит женщина с саквояжем и коробками. Нацепив на нос пенсне и опираясь на трость, она пытается идти, прихрамывая, и бормочет себе под нос приветственную речь. Женщина нервничает и постоянно поправляет пенсне. Периодически окидывает взглядом обширные владения, её тревога усиливается. В определённый момент она останавливается, делает глубокий вдох и более уверенно, прихрамывая, подходит к массивной двери парадного входа.

Двери распахиваются, и на пороге возникает мужчина лет пятидесяти, худощавый и длинный. С виду напоминающий седую сороку. Управляющий Гордей недоброжелательным взглядом окидывает женщину, что стоит перед ним.

– Добрый день, сударыня. Вы находитесь во владениях князя Ольденбургского. Что вам угодно, сударыня?

В это время из почтового дилижанса выходит возница с пачкой писем. И отдав почту управляющему, кивнув ему в знак приветствия, направляется к лошадям и, взяв их под уздцы, ведёт на задний двор.

Женщина, взглянув на письма, занервничала ещё больше. Закусив губу, она как бы замерла, и мысли унесли её далеко.

Мари впервые усомнилась в правильности своей затеи. Пару месяцев назад она написала письмо к князю Ольденбургскому с предложением стать компаньонкой для его единственной дочери Кити. Мари неделю обдумывала содержание письма. Оно должно было быть ненавязчивым и в то же время трогательным и взывать к сочувствию и состраданию. И вот что вышло:

«Многоуважаемый и почтенный князь Ольденбургский, пишет к Вам дальняя родственница по линии Вашей супруги. Мой муж, ныне покойный, граф Валевский приходился двоюродным братом Вашей супруги, княгини Ольденбургской. Единожды мы бывали с графом в Вашем поместье, и я помню маленькую, очаровательную Кити. Увы, дети слишком быстро растут, дорогой князь. До меня дошли известия, что Вы озадачены поиском подходящей кандидатуры для прелестной, повзрослевшей Кити в качестве компаньонки. Спешу Вас уведомить, милейший князь, что я почту за честь, и даже более того, считаю своим долгом, помочь Вам в этом. Мой супруг ушёл из этого мира вслед за несравненной княгиней, своей сестрой и Вашей женой. О, маленькая Кити... Нет слов, чтобы описать, как скорбит моё сердце... Я уже более года как нахожусь в статусе почтенной вдовы и прошу у Вас возможности вновь обрести смысл жизни – вновь стать нужной и полезной. Уверена, мы найдём общий язык с Кити и я смогу подарить ей хотя бы часть своей душевной заботы и любви.

С безграничным уважением к Вам и надеждой, графиня Валевская».

Ответ князя не заставил себя долго ждать:

«Здравствуйте, графиня. Честно признаться, не припомню ни Вас, ни Вашего супруга. Но действительно знаю, что у ныне покойной княгини был брат. Тот был картежник и мот. Стало быть, так: я Вас не приглашал... и не приглашаю.

Князь Ольденбургский».

Да, к сожалению, князь ответил грубо и категорично. Именно это заставляло Мари сейчас нервничать. Уж не говоря о том, что она опустилась до обмана, если называть вещи своими именами. Мари ничего не осталось, как пойти на этот некрасивый поступок.

Мари пришлось отвлечься от своих грустных мыслей. На неё выжидающе смотрел все тот же мужчина – управляющий помещьем, как понимала Мари. Мари сделала глубокий вдох и, нарочно понизив голос, повелительно произнесла:

– Доложите князю, что прибыла графиня Валевская. Он меня пригласил и ожидает. Ужасно устала в дороге...

Управляющий моргнул пару раз и пуще прежнего уставился на Мари.

– Ну, чего ж ты уставился? Ступай, докладывай...

– Сию минуту, слушаюсь, – удивленно растянул управляющий. И жестом пригласил гостью проследовать за ним.

Мари с ещё большим усердием стала прихрамывать на правую ногу. Проходя мимо огромного резного зеркала, Мари остановилась перед ним. Она основательней усадила на своём носу пенсне и надвинула шляпку. Всё это она проделала быстро, пока управляющий скрылся за дверьми кабинета князя.

«Ну же! Возьми себя в руки. Всё будет хорошо. Ну подумаешь, прибавила себе десяток... Некоторые убавляют себе возраст, и это вовсе не считается вероломным враньём!» – мысленно успокаивала себя Мари.

Достав из ридикюля масло лимона, Мари растерла меж пальцами пару капель и помассировала виски. Ещё раз вдохнула и выдохнула дрожащими губами.

Неожиданно позади Мари раздался голос управляющего:

– Его светлость примет вас. Прошу, проходите.

Мари как во сне, на подгибающихся коленях прошла в кабинет князя.

Как только Мари переступила порог кабинета, она наткнулась на холодный и суровый взгляд хозяина Ольденбургского поместья.

Князь пристально, в упор и, что самое важное, недобро смотрел на гостью. Мари, конечно, слышала о нём многое. Но она не ожидала столкнуться лицом к лицу с «героем» всех этих слухов и сплетен. Тем более когда он выглядит вот так. И смотрит как зверь.

Князь Ольденбургский даже не потрудился снять скрещённые ноги со стола, когда перед ним предстала «старая бедная родственница». Он терпеть не мог подобных «приживалок» и плутовок. Влад знал, что именно эти «вдовствующие матроны» погубили его репутацию в обществе. Да ему, собственно, было и наплевать. Сейчас он собирался на славу покуражиться и тем самым подтвердить все сложносочинённое о нем.

Влад продолжил молча смотреть на прибывшую, не поднимаясь с места.

Мари оценила эту провокацию, как и распахнутую рубашку князя.

«Он даже не потрудился оправиться! Какой стыд!» – промелькнуло в голове у Мари. Её это страшно рассердило.

Как по волшебству, к ней неожиданно пришли уверенность и легкость. Мари переменяла свой строго-суровый взгляд на тёплый и радушный, и миг её глаза наполнились слезами.

– Мой дорогой! Мой бедный мальчик. – Мари распахнула объятия и направилась к князю.

Князь не двинулся с места.

Мари, не дойдя до него, устроилась на кресле перед ним и не задумываясь продолжила:

– ...Как же я рада вновь видеть вас!

Князь вскинул одну бровь, дивясь пробивному настрою старушки. Он упорно продолжал молчать.

– Вы не представляете, как тяжело вдове в возрасте в нынешнем положении. Мой бедный, бедный муж... Сколько же в этом мире порочных и алчных людей. Моя первейшая задача и всё моё стремление лишь в том, чтобы оградить наш прелестный цветочек от ужасов и мрака этого мира. Порой встречаются такие субъекты! Что вы?! Малышке необходим зоркий глаз и надёжное плечо рядом, – перешла сразу в атаку Мари.

Мари поразила в этот момент саму себя. Мало того, что она умудряется так складно нести всю эту чушь, так она ещё и успеваает: разглядеть князя, предположить его мысли, тут же их опровергнуть да ещё и поразмышлять о его внешности. И прийти к заключению, что князь красив. Очень красив. И даже несмотря на безобразный шрам, который тянется от правого виска и, задев и чуть исказив правый глаз, останавливается на скуле.

– Я всегда хотела иметь дочь... О, мой бедный супруг. Я хотела бы познакомиться с Кити. Уверена, она такая же красавица, как была её мать и мой Алекс. О, мой бедный Алекс... – Мари всхлипывая, утыкается в носовой платок.

Князь продолжает смотреть сурово, не говоря ни слова. Ещё немного помолчав, князь взял со стола колокольчик, и раздался звон.

Князь уловил настойчивый запах лимона, и ему совсем сделалось дурно от этого визита. И наконец всхлипывания Мари прервал низкий звучный голос князя:

– Графиня, я вам уже писал и повторюсь ещё раз. Мы в вас не нуждаемся.

Мари ещё пуще прежнего залилась горячими слезами. В этот момент отчаяния появился управляющий – Гордей.

– Я взял на себя смелость предложить вам, ваша светлость, кофе и легкие закуски.

Князь одобрительно кивнул управляющему, не сводя взгляда со страдающей графини.

Гордей подал знак лакею, чтобы тот накрывал.

Входит лакей, ставит перед Мари поднос с закусками и яствами.

Мари ужасно голодна, у неё сводит живот и от волнения тоже.

Лакей наливает чай, подносит Мари.

Мари элегантно берет чашку из рук лакея и делает глоток. Потом второй. И с третьего подхода опустошает чашку.

Лакей, не скрывая своего удивления, смотрит на графиню.

– Благодарю, – отдаёт чашку лакею. – Жажда замучила. Можно ещё чашечку?

Лакей вновь наполняет чашку Мари.

Князь, потягивая кофе, с ухмылкой смотрит на графиню.

– Гордей, пригласи к нам мою дочь.

Как прикажете, ваша светлость, – склонившись в почтительном поклоне к князю. – Приятного чаепития, ваше превосходительство, – это управляющий адресовал Мари и вышел.

Мари, вновь оставшись с князем наедине, решает разбавить затянувшееся молчание.

– А как ваше здоровье, дорогой князь?

Этот вопрос не нашел ответа. Собеседник графини просто откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

По просторному холлу особняка пронесется хорошенькая молодая особа. Торопливо спускаясь по парадной лестнице, она перелетает сразу через две ступеньки. И в конце спуска налетает на управляющего Гордея. Чуть не сбив его с ног.

– Извини, Гордей! Где она? В кабинете у отца? Она старая? Извини! Она веселая, нудная? Извини! Ладно, я сама посмотрю. Куда бежать?

– Ваша светлость, его сиятельство ожидает вас с её превосходительством у себя в кабинете...

Кити, не дослушав управляющего, несётся по длинному коридору к кабинету.

Кити, забыв постучать из-за переполнявшего её волнения, распахивает двери кабинета.

– Отец! Добрый день, графиня, я так рада... – выпаливает Кити.

Потом, на секунду замерев, Кити улавливает не свойственный кабинету отца запах. Резкий и едкий запах.

– Лимон?! – удивленно произнесла Кити.

Мари от неожиданности такого появления и своего долгого напряжения проливает чай на свой траур. Но, тут же соскочив со стула, раскрывает объятия Кити.

– Моё прелестное дитя, как я рада тебя видеть. Как ты выросла. Mon Dieu! Как же ты похожа на свою мать! Ты красавица!

Мари, не дойдя до Кити, с распахнутыми объятиями замирает в полушаге от неё.

– А теперь, моя голубка, выйди за двери и войди, как полагается молодой княжне...

Графиня возвращается и садится обратно на своё место.

Князь молча наблюдает за этой сценой. Невозмутимо продолжая пить свой кофе.

Кити, сделав реверанс, выходит за дверь.

Слышен стук.

Князь молчит. Графиня, удивленно посмотрев на него:

– Разве вы не собираетесь пригласить дочь войти?

– Кити не нуждается в приглашении или разрешении войти в мой кабинет.

Кити, приоткрыв дверь, заглядывает, потом входит с сияющей улыбкой на губах.

– Могу я войти, отец? – с деланной робостью и кротостью произнесла Кити. – Я не помешаю?

– Нет! Входи, – почти с раздражением, глядя на графиню, пробубнил князь.

Кити, сделав почтительный реверанс, уже не в силах сдержать улыбку:

– Вы меня звали, рара?

Князь тоже начинает улыбаться, подходит к дочери и нежно обнимет её, целует в лоб.

– Хочу представить тебя графине Валевской, – промолвил князь и подвёл дочь к графине. – Графиня приходилась супругой двоюродному брату твоей матери. Графиня, это моя дочь Кити.

Кити в реверансе перед графиней:

– Добрый день, графиня. Рада с вами познакомиться. Как ваше самочувствие? Не слишком утомились в дороге?

– Кити, графиня у нас не задержится, – отрезал князь.

– Ваша светлость, девочке просто необходимы властная рука и правильные наставления, – со всей серьёзностью и со знанием дела промолвила Мари. – Но не пугайся, дитя, – обратилась она к Кити. – Я не деспот и все прекрасно понимаю.

Князю порядком поднадоели этот визит и графиня. Абсолютно этого не скрывая, князь многозначительно склонился в поклоне.

– Вам есть о чем побеседовать. Прошу меня извинить. Кити проводит вас, графиня, и познакомит с домом. Хорошего дня.

Кити, взяв графиню под руку, сопровождает её к выходу из кабинета отца. Они покидают кабинет в полной тишине. Раздражение и досаду Мари могли бы выдать только плотно сжатые губы.

Как только за женщинами закрылись двери, князь, тяжело хромя, подошёл к окну и с раздражением распахнул его. Князь делает глоток свежего воздуха, и ему становится легче. Положив руку на висок и прикрыв глаза, князь продолжает размеренно дышать.

– Ад! – выдохнул князь.

Мари шла в сопровождении Кити по шикарному особняку князя и под непрерывный щебет двоюродной племянницы размышляла о своём будущем. Оно ей казалось беспросветным и, увы, безрадостным. Место компаньонки при дочери князя было для Мари последним шансом достойно удержаться в этом мире.

Мари непонимающе взглянула на Кити, потому как та легонько коснулась руки Мари.

– Что с вами, графиня? – поинтересовалась Кити. – Вам нехорошо?

– Все в порядке, милая. Все хорошо, – поспешила успокоить её Мари.

– А что тут? – Мари прошла к массивным резным дверям и дернула за вырезанные из благородного дерева головы львов. Но двери оказались заперты.

Тут же рядом с Мари возник управляющий.

– Ваша светлость, ваши комнаты выше. Позвольте, я провожу на второй этаж, прошу.

Мари в недоумении уставилась на управляющего и уж было собралась отчитать его и напомнить «выскачке» его место, но ситуацию сгладила Кити. Она подошла к Мари и, взяв её под руку, ласково улыбнулась.

– Спасибо, Гордей. Я сама проведу графиню в её покои. Ты можешь быть свободен.

Гордей, склонившись в почтительном поклоне, поспешил удалиться. А Кити и Мари продолжили свой путь к покоям графини. Им предстояло преодолеть широкую парадную лестницу. И Мари, помня о своём образе, приостановилась на четвёртой ступени непростого подъёма.

– Прощу тебя не шустрить, моя пташка, – тяжело выдыхая, взмолилась Мари.

– О, конечно, графиня. Извините, – пропела Кити.

Кити в ожидании, когда графиня восстановит дыхание, присела на ступень лестницы и с интересом посмотрела на графиню.

– Графиня?

– Да, дорогая?

– Я хотела бы спросить вас о моей маме... – робко начала Кити.

– Во-первых, не гоже сидеть на холодном мраморе, – отчитала её Мари, но тут же смягчилась и продолжила: – Моя милая Кити, твоя мать была небывалой красоты женщина. – Мари вновь стала подниматься к своей комнате.

Кити быстро последовала за ней.

– Вообще, Валевские не были обижены природой. Высокий лоб, скулы, эти твои ямочки... бесподобно! – продолжала графиня. – Твой дядя, мой покойный супруг, прекрасно играл на фортепиано. Ты играешь?

– Довольно неплохо.

– А должна, девочка моя, – превосходно! Французский?

– Я говорю...

– Должна мечтать на этом языке, что ты читаешь? Что из последнего?

– Я люблю Шекспира... и...

– Прекрасно! Прочти мне что-нибудь. Сейчас. – Графиня стукнула повелительно своей тростью о пол и остановилась.

Кити, вздрогнув от неожиданности, быстро начала чеканить текст:

У сердца с глазом – тайный договор:
Они друг другу облегчают муки,
Когда тебя напрасно ищет взор
И сердце задыхается в разлуке.

Твоим изображеньем зоркий глаз
Дает и сердцу любоваться вволю.
А сердце глазу в свой урочный час
Мечты любовной уступает долю...
Мечты любовной уступает долю...

Вдруг Кити залилась краской и лихорадочно начала дышать.

– Мечты любовной уступает долю, – вновь повторила Кити, пытаясь отыскать в памяти нужное слово.

На неё с совершенным спокойствием смотрит Мари. Она склонила голову набок в ожидании продолжения.

Кити в неподдельной панике, совсем уж расстроившись, крепко зажмурила глаза.

– Ах, как же там?!

«Может, это ей поможет и она станет невидимкой», – подумалось Мари.

Мари с полуулыбкой на губах, такой же мягкой, как и её голос, озвучивает продолжение сонета:

...Так в помыслах моих иль во плоти
Ты предо мной в мгновение любое.
Не дальше мысли можешь ты уйти.
Я неразлучен с ней, она – с тобою.

Произнося это, Мари провела рукой по розовой щеке Кити и заглянула в распахнутые глаза девушки.

– Мой взор тебя рисует и во сне... – Мари прервалась на этом моменте и выжидающе взглянула на Кити.

...И будит сердце, спящее во мне, – чуть слышно подхватила Кити и расплылась в улыбке.

Ну, вот и чудесно, прелестное дитя. Мы, кажется, пришли?

– О, да! Вот ваша комната.

Кити распахивает двери перед графиней. Мари медленно проходит вглубь своих временных покоев. Её взору предстаёт широкое окно с тяжёлыми темно-зелёными портьерами. Того же цвета покрывало на широкой и бесконечной кровати. Мари уже предвкушала падение в мягкую перину. Потом её вниманием завладела деревянная ванна, более похожая на вместительную овальную бочку. У Мари вид этой ванны почти вызвал стон, так ей желалось поскорее оказаться в ней. Мари так и представляла клубы пара от горячей воды над этой желанной бочкой.

Из приятных мечтаний Мари вывел вопрос Кити:

– Вам будет здесь удобно, графиня? Вас всё устраивает?

– Я так устала, милая, что насыпь мне гороха без перины, я его не почувствую.

Кити рассмеялась, скорее из вежливости, чем над шуткой, и Мари это подметила.

– Ну вот, как ты думаешь, получилось у меня хоть на секунду сомкнуть глаза?! – продолжила Мари.

– Нет!

– Ты совершенно права! Эта женщина с усами храпела на весь дилижанс, а бедный юноша пытался избавиться от перьев на её шляпке. Ужасно безвкусно! Ты любишь перья?

– Нет!

– Молодец, я тоже! – Говоря это, Мари сняла с головы шляпку, сплошь утыканную перьями всевозможных цветов и отливов.

Кити с весёлым удивлением это оценила и, опомнившись, направилась к выходу из комнаты.

– Вы утомились в дороге, не буду вам мешать, графиня. Отдыхайте. Увидимся за ужином. Мари приостановила её и заглянула в прелестное личико Кити.

– Благодарю, дитя моё. Мне жаль, что твоя мать не видит, каким прекрасным ангелом ты стала. – Сказав это, Мари поцеловала Кити в лоб.

– До вечера.

Кити провела ладошкой по щеке, оставив мокрый след от слезы, и улыбнулась.

– Спасибо вам. Вы не представляете, как дороги для меня ваши слова. Доброго отдыха.

Кити с тихой грустью покинула спальню графини.

Мари ещё какое-то время постояла в задумчивости, глядя на закрытую дверь, понимая одно – девочке действительно нужны помощь и поддержка взрослой и рассудительной женщины. Конечно, молодая особа отчаянно нуждалась в заботе и опеке матери, ведь ей предстоит столько узнать и пройти, испытать и понять этой малышке. Она, просто необходима Кити, как и Кити, возможно, необходима ей.

Пристроив свою трость в угол комнаты, и сняв с носа пенсне, свободной рукой она потёрла переносицу и наморщилась. Женщина вытащив из рукава белый кружевной платок, промокнула глаза. Рядом с окном она заметила свой багаж, чему очень обрадовалась. Видимо, князь не намерен её выставить сегодня же.

Мари достала из саквояжа листы бумаги и письменные принадлежности.

Подойдя к небольшому бюро в другом конце комнаты, разладила лист, затем заострила перо, и открыв небольшую баночку с чернилами, обмакнула острый кончик пера в черноту. Немного подумав, она размяла пальцами затёкшую шею и принялась писать, старательно выводя буквы на белом листе.

«Здравствуй, моя любовь. Спешу сообщить, что я благополучно добралась, но уже ужасно скучаю...»

Солнце уже начало пригревать по-весеннему, и толстому мохнатому псу по кличке Герцог становилось совсем невмоготу. Сидя у своей будки на заднем дворе, перед входом в кухню, Герцог лениво наблюдал, как к нему приближался управляющий Гордей.

Гордей важно шествовал, неся высоко и величественно поднос с остатками завтрака господ. Увидев своего любимца, Гордей расплылся в ласковой улыбке и кинул псу с подноса остатки бекона.

– Хороший мальчик. Мой. Красавец.

Гордей потрепал Герцога за ухо, тот даже не взглянул в сторону упавшего бекона.

В дверях кухни появилась женщина. Она для начала громко фыркнула на создавшуюся идиллию и выплеснула воду из кастрюли, предварительно крутанув её пару раз.

– Да что же это такое?! – всплеснула руками женщина. – Однажды этот пёс не сможет выйти из собственной будки. Сколько я просила, говорила – все без толку! Он скоро тебя слопаёт!

– Вы вообще не вправе делать мне подобные замечания, Неёла Ануфриевна, – не прекращая своего занятия, заявил Гордей.

Герцогу поднадоели ласки управляющего. Он широко зевнул во всю свою собачью пасть, развернулся к Гордею задом и скрылся в будке. Еле протиснув в неё свой откормленный собачий зад.

Гордей в полном восторге поднялся и передал поднос кухарке, Неёле Ануфриевной

– Ну, расскажи, что там за птица появилась? – полюбопытствовала та.

– Мне нужно немного свежего воздуха. От удушливого запаха лимонов мне живот сводит. Управляющий демонстративно вдохнул и выдохнул, приложив средний палец к виску. На этот жест кухарка закатила глаза и, ещё раз фыркнув, зашла в кухню. Гордей, не последовав за ней, еще раз глубоко вдохнул.

В кухне, как всегда, витали всевозможные аппетитные и приятные запахи и было тепло и даже душно. Кухарка сразу же принялась за работу. На широком деревянном столе была рассыпана мука, и на краю стола лежали пару кусков заготовленного теста.

Неёла Ануфриевна взяла один сдобный шмат и принялась, всем телом налегая, мять его.

В противоположном конце кухни сидела большеглазая худая девушка. Вытирая проступивший пот со лба, она тяжело вздыхала, но продолжала усердно очищать картофель от кожуры. Трудность ей создавало то, что её огромный живот, восьмого месяца беременности, не позволял склониться ниже над ведром с очистками, да и вообще очень контрастировал на фоне её бледной худобы. Но девушка была красивой. С длинной блестящей косой и чёрными как смоль ресницами. Огромные глаза то и дело закрывались сами собой от желания сна, и порой казалось, что она моргает вне времени. Редко такие красавицы попадались в числе служанок или крепостных.

Кухарка, взглянув на девушку, одним кивком поинтересовалась:

«Как ты?»

Девушка вымученно улыбнулась в ответ и одними губами произнесла беззвучно:

«Все хорошо».

Кухарка погрозила ей пальцем, но тут же улыбнулась. Улыбка сошла с её лица, как только в кухню вошёл управляющий.

– И речи быть не может, что его светлость будет терпеть эту... бедную родственницу. Безусловно, молодой княжне требуется, так сказать, женское участие... Но не думаю, что эта особа будет присматривать за княжной Кити!

– Не вам судить, уважаемый! – тут же вступилась кухарка. – Эта семья столько претерпела! А нашей Кити действительно нужна хорошая наставница. Князь не в состоянии дать девочке то, что полагается знать молодой девушке на выданье. Моя крошка, если бы княгиня дожила до этого момента... Что ни говори, а все должно быть по уму! – Кухарка с удвоенной силой стала мять тесто. – А то прибегает ко мне на днях и говорит мне: «Няня, ты не знаешь, как вальс танцуют?!» Вы представляете! И начинает рассуждать, кто кого в этом вальсе зажимает и кружит... Я ей говорю: «Мне почему знать такие штуки, да и не к чему мне оно вовсе».

– Неужто же ты о вальсе не слышала? Ну действительно, о чём это я? А главное, с кем? – Управляющий своим излюбленным жестом даёт понять, что кругом невежи. Приложив указательный палец к виску, он разворачивается спиной к женщинам и, стуча каблуками, уходит с кухни.

Кухарка и девушка – Настасья – смотрят ему вслед и вдруг начинают безудержно хохотать в голос.

– Вот павлин! – сквозь смех визжит кухарка. – Ощипал бы кто?!

Настасья, держась за свой огромный живот, вытирает проступившие от смеха слёзы, тщетно пытаясь себя успокоить.

В это безудержное веселье входит мужчина. Он сильно хромает на правую ногу. В руке он сжимает букет из лопухов. Он проходит к столу и, усевшись на скамью, раскладывает рядом лопухи.

Служанка Настасья, с небывалой скоростью для обременённой женщины, подскакивает к нему.

– Давай я все сделаю, – опустившись на колени рядом с мужчиной.

– Да куда ты?! – пытаясь увернуться от её рук, проворчал конюх.

– Я знаю, как правильно. Я сделаю, а то потом опять ходить не сможешь вовсе.

Конюх на это кивнул.

– Спасибо, Настя.

Настасья собрала в охапку лопухи и кинула их в глубокую миску.

– Неёла Ануфриевна, окати кипятком. Помоги.

Тут в кухню белоснежным вихрем кружев влетает юная княжна. Щеки Кити горят, на губах переливается радостная улыбка.

Кухарка так и застыла с ковшом кипятка.

– Ну, моя егоза! Как твой день? Сказывай поскорей, что за птица эта графиня? Строгая больно, говорят?

Кухарка опустошила ковш и присела за стол. Одним движением она смахнула муку с края стола и передником расчистила место на скамье рядом с собой. Кити тут же, не глядя, присела рядом с кухаркой, взяв ее тёплые руки в свои.

– Я бы не сказала так, няня. Она знала маму. Говорит, я похожа на неё и мама была очень красивая и веселая.

Кити заглянула в глаза женщине, которая её вынянчила и вырастила.

Кухарка поджала губы и бросила мимолетный взгляд на конюха. Тот спокойно и сосредоточенно наблюдал за действиями Настасьи, которая уже расправляла бантик на перевязанном колене конюха.

Всё же конюх поднял глаза в последний момент, и они зацепились с кухаркой взглядом. Этот безмолвный взгляд подтвердил обоим, что они всё помнят. И эти воспоминания объединяют двух совершенно различных людей в общей тайне прошедшего.

– Ну, ступай.

Кухарка ласково похлопала ладошку своей любимицы.

– Нечего тебе тут. А то барыня, не приведи господь, узнает, что ты с дворовыми общиваешься. Побегай, моя радость. Иди.

Кити поцеловала кухарку в морщинистую щёку и, послав воздушный поцелуй конюху, покидает кухню.

Кухарка проводила Кити взглядом до выхода.

– Веселая княгинюшка наша была...

Конюх в глубокой задумчивости покачал головой. Так и не дав вразумительный ответ на высказывание кухарки в адрес прежней княгини.

Мысли унесли его далеко. В ту ночь не было дождя, был май и было невыносимо жарко... И невозможно было сделать вдох из-за едкого дыма. Очень ярко запечатлелось в памяти конюха бешеное полыхание портьер и картин. Он никогда не видел такой красоты. И трогательное личико маленькой Кити, спящей на его руках, тоже было красиво. Какой-то иной красотой.

Он хорошо запомнил даже эти странные мысли... Он многое помнил. И помнил её... Элен. Он хотел войти к ней в комнату, хотел закричать, но прошёл мимо. Долго он спрашивал сам себя, что же помешало ему? Трусость или что-то ещё?.. Но он этого не сделал. И он помнил об этом.

Смотря вдаль из окна своего кабинета, ещё один мужчина поместья пытался ответить себе на многочисленные вопросы, касательные той страшной ночи.

Князь Влад Ольденбургский вернулся с войны на следующий день после пожара – пряником из одного ада в другой.

Первым порывом князя было снова попасть на поле боя, обратно на войну. Двухлетняя дочь остановила его. Князь увидел своего маленького ребёнка на коленях у кухарки, и её взгляд поразил его. Ярко-голубые глаза малышки смотрели на него с таким пониманием и с полной осознанностью происходящего.

– Ты не оставишь меня, как мама?

Серьезно спросила Кити, уже готовясь остаться одной в этом мире.

– Ни за что на свете.

Улыбка его дочери в этот момент осветила всю его жизнь. Влад понял, что если не это смысл его существования, то тогда существование само по себе ничемно и ненужно.

Влад и сейчас улыбался, вспоминая этот кошмар, благодаря своей дочери. Кити была для него всем! И так будет всегда.

Раздумья и воспоминания князя прервал стук в дверь. Влад сразу понял, кого ему сейчас предстоит лицезреть.

– Входи, Щербатский!

Влад сразу направился пожать руку давнему другу.

В кабинет вошёл истинный герой по обличению своему. Князь Щербатский имел разницу в возрасте со старшим другом в десять лет. Но это абсолютно не мешало ему при каждом удобном случае подтрунивать и изводить Влада ребяческими выходками. Но Щербатский был умён и дальновиден. Оказавшись в гуще событий русско-турецкой войны, он быстро смекнул, что именно Влад Ольденбургский способен достойно оказаться в списках выживших в этой неразберихе. Так оно и случилось.

– Зачем твоей дочери Гаргулья? – сразу же начал Щербатский. – Компаньонка с ароматом лимона? – Хотя я понимаю. Ты – молодец! Эта кислая графиня в два счета отгонит от твоей дочери всех претендентов. Даже танцевать Кити не будет. Будет весь бал сидеть со своей компаньонкой. Мало рядом с ней было Цербера, так теперь ещё Гаргулья...

– Прости, что ты сказал? Кто Цербер?

– Ты – Влад.

Мужчины улыбнулись друг другу и пожали руки в добром приветствии.

– В твоих словах есть правда, – продолжил Влад, пригласив Щербатского присесть в массивное кожаное кресло. – Но у тебя нет дочери, тебе не понять меня. Ты не представляешь, что происходит со мной, когда я допускаю мысль, что какой-то... вообще, что кто-то.

– Ты ревнуешь. Это нормально.

Щербатский закинул ногу на ногу и с ехидным прищуром взглянул на Влада.

– Нет, я не ревную. Точнее, да, конечно же. Но это не просто ревность. Это неудержимая ярость, гнев на весь мир. Может, если бы я ненавидел кого-то конкретно, было бы легче.

Князь скрестил руки на груди и задумался, потом продолжил:

– Я ловлю каждый взгляд, оценивающий Кити. Каждую улыбку её, направленную мужчине, будь то наш кучер или управляющий... или конюх, который вынес её малышкой из огня. Даже к нему у меня злоба, стоит Кити проявить к нему заботу. Не понимаю... Она слишком добра и верит этому миру, и она улыбается слишком доверчиво... ты понимаешь?

– Я понимаю. Но мир не всегда жесток. Есть в нем и прекрасные вещи. Ограждая Кити от жестокости этого мира, ты ограждаешь её и от прелестей жизни. А с этой, как ты говоришь, Гаргульей, она и вовсе затоскует...

– Эта графиня сослужит мне хорошую службу. Эко, высококонравственная престарелая вдова, – и это то, что мне нужно. Не молода, чтобы плясать на балах, но и не стара, чтобы засыпать на них.

Впервые за долгое время на лице князя появилась весёлая улыбка. Его друг тут же подхватил её, и двое взрослых мужчин на миг превратились в озорных мальчишек, только что вступивших в тайный заговор.

Прямо над обсуждающими её мужчинами, в своей комнате, в деревянной лохани, прикрыв от наслаждения глаза, нежилась сама красота.

Мари распустила водопад своих волос темного отлива, и некоторые намокшие пряди казались почти чёрными. Длинные ноги и руки Мари расслабленно свисали по краям её купальни.

Мари предусмотрительно огородилась от входной двери ширмой, и теперь ничто не могло потревожить её блаженство.

Именно поэтому на стук в дверь Мари ответила совершенно спокойно, даже не открыв глаза.

После позволения в комнату вошла молодая горничная. И, не увидев госпожу, начала говорить громче обычного.

– Добрый вечер, ваше благородие. Я Лизи. Ваша горничная. Пришла помочь подготовиться вам к ужину.

– Спасибо, Лизи, – донеслось из-за ширмы. – Достань из саквояжа мое серое платье и разгладь его, пожалуйста. И можешь быть свободна, далее я без тебя легко обойдусь.

Лизи, довольно быстро справившись с поставленной задачей, вежливо попрощавшись, тихо ушла.

Только тут Мари открыла глаза и стала напряжённо вслушиваться в тишину, пытаясь убедиться, что она действительно одна в комнате.

Из обеденного зала, помимо звона посуды, доносились смех и громкие разговоры. Вначале управляющий Гордей подумал, что слух его подводит. Он резко повернулся на каблуках и, изменив курс своего направления, прошёл в обеденный зал.

Там он застал двух лакеев и горничную Лизи. Один лакей буквально согнулся пополам от безудержного хохота. Но хуже всего было то, что горничная повернулась ко второму и, пригнув его к себе обеими руками, крепко поцеловала.

Гордей прикрыл глаза, сделал успокаивающие вдох и выдох и совершенно спокойно произнёс:

– Возможно, поделитесь со мной? Расскажите, что у вас такое занимательно-важное? Важнее ваших обязанностей в этом доме...

Все трое обернулись на голос управляющего и застыли в ожидание худшего.

Но тут послышались голоса приближающихся.

– Это его светлость! – сам того не ожидая, запаниковал Гордей. – Лизи!!!

– Что? – очнулась горничная.

– Брысь отсюда, бессовестная!

Но никто не двинулся с места. Все внимание было приковано к открывающимся дверям, в которые вошли князь со своим другом.

Гордей поспешил встретить своего хозяина и открыл шире двери.

– Прошу вас, ваша светлость, – поклонился Гордей князю.

– Ваше превосходительство, – изрёк управляющий в поклоне перед Щербатским.

Гордей дал знак лакеям, и те синхронно, не глядя друг на друга, в полнейшем оцепенении отодвинули стулья для господ.

Лизи как замороженная стояла меж отодвинутыми стульями и с каждой секундой становилась ещё краснее.

Ей на помощь поспешил управляющий.

– Спасибо, Лизи, а теперь ступай... ступай, – выпроводил он бедную девушку.

Князь и Щербатский не обратили ни малейшего внимания на происходящее. Они увлечённо продолжали беседовать.

– Я рад, что ты решил остаться. Мне будет тяжело одному за ужином.

Жестом князь отослал лакеев, и они с облегчением отошли на свои места в другом конце зала.

– У тебя великолепный повар! Я мечтаю его переманить, – заметил Щербатский. – Он француз? Уверен, что француз!

– Да. Француз, – улыбнулся князь ошибочному высказыванию друга. – У тебя ничего не выйдет...

Владу пришлось прерваться, так как его собеседник смотрел мимо него и лицо его выражало полнейший восторг от увиденного.

Щербатский широко улыбнулся и, обойдя Влада, направился к объекту своего внимания, который только что зашёл вслед за ними.

– Кити! Радость моя, что происходит?! Ты ли это?!

Щербатский взял руку Кити и прижался к ней губами, замерев в поклоне.

– Добрый вечер, рара.

Кити перевела свой взгляд с «покорённого» на своего отца.

– Добрый вечер, ваша светлость, – произнесла Кити в изящном реверансе. И раскрыв объятия, поспешила к отцу. Князь откровенно любовался и восторгался дочерью.

– Вот, погляди. Первые плоды работы её компаньонки. И полудня не прошло, а Кити превратилась в барышню.

Высказывание князя все встретили веселым смехом.

Щербатский жестом избавился от лакея и отодвинул стул для Кити.

– Блюстительнице хороших манер не пристало самой опаздывать...

И как только Щербатский окончил свою ироническую тираду, в зале появилась Мари.

Мари в полной тишине, прихрамывая и опираясь на трость, пересекла зал. На ней было серое глухое платье, ворот которого доходил аж до подбородка графини. Она, то и дело хмурясь, поправляла пенсне рукою, затянутой в чёрное кружево. Одним словом, зрелище было поистине удручающее.

Графиня, не сводя пристального взгляда с Щербатского:

– Добрый вечер, господа. И часто, ваша светлость, молодая барышня ужинает в кругу ваших друзей?

Мари бросила суровый взгляд в сторону князя. В отличие от Щербатского, князь даже не сконфузился, а совершенно напротив, не грубо, но решительным тоном осадил графиню:

– Это абсолютно не ваше дело, графиня. Позвольте представить: князь Вольфганг Вениаминович Щербатский.

Мари чуть опустила голову в знак приветствия.

Щербатский закивал отчаянно, приветствуя графиню.

– Мое почтение, графиня.

Естественно, поведение Щербатского, его закатанные глаза или стоны – все это было напускное, отчего Кити метнула в него строгий взгляд.

Мари с подобным взглядом выдержала паузу, ещё раз коротко кивнула и направилась, хромая, в сторону князя. Тот, отодвинув для неё стул, ожидал в суровом молчании.

Щербатский, проследив за походкой графини, громче положенного высказал на ухо Кити своё наблюдение:

– А они определённо схожи с твоим отцом...

Кити в ужасе посмотрела в глаза Щербатскому, там плясали озорные искры. Щербатский продолжил:

– Походка так точно одна!

Кити, не выдержав, прыснула от смеха, но поспешила спрятать улыбку. Щербатский усадил Кити за стол.

Ужин начался в сдержанном молчании. Только было слышно, как лакей под руководством Гордея разливает суп по тарелкам для господ. Затянувшуюся тишину решил приостановить Щербатский:

– Ну и когда же планируется знаменательное событие? – И вновь озорные искры вспыхнули в его зрачках.

– Что ты имеешь в виду? – не взглянув на друга, произнёс князь.

– Когда наша маленькая Кити, под чутким руководством графини, начнёт разбивать сердца и предстанет перед местной знатью?

От Мари не укрылся сарказм в вопросе Щербатского. Со всей серьёзностью она, отложив приборы, спокойно произнесла

– Это произойдёт, как только князь примет решение на мой счёт.

– А мне казалось, всё довольно ясно и определённо. Не так ли, Влад? – обратился Щербатский к князю всё с той же иронией.

– Это мы обсудим чуть позже, после ужина, с вашего позволения, графиня.

– Да. Да, конечно, – поспешно ответила Мари.

Раздражение князя стало совсем уж очевидным. На некоторое время опять затянулось молчание. Но вновь вошедший во вкус Щербатский продолжил ту же тему:

– Дорогая графиня, а вы прежде бывали в компаньонках? Простите за бестактность моего вопроса...

Прежде чем ответить, Мари кинула быстрый взгляд на хозяина дома.

– Не извиняйтесь. Я оценила оригинальность и неуместность вашего вопроса, и я с удовольствием отвечу. Никогда прежде не бывала в компаньонках, и дочери у меня нет. Но Кити прелестная юная барышня, и ей необходимо суметь дать достойный ответ на самый каверзный вопрос, князь.

Столь расширенный ответ ещё больше раззадорил Щербатского, и он не удержал себя от дальнейшей пикировки:

– Блестяще! И судя по всему вышесказанному, вы именно та, кто поможет нашей Кити отрастить зубки.

– Это необходимо, – начала заводиться Мари.

– Не могу с вами не согласиться, графиня.

– Странно, что вы проигнорировали мою просьбу оставить этот разговор, – выпалил князь, приостанавливая собеседников.

Мари взяла себя в руки и выдохнула. Она не на шутку завелась и начала забываться. Ей следовало держаться чопорной и размеренной речи. А она, не замечая того, поддавалась на провокацию этого смазливого князя.

Щербатский же, напротив, не растерял веселого настроения и продолжил с тем же, глядя на графиню:

– О! Умолкаю.

Мари наконец удалось привести своё дыхание в спокойное состояние, и она, как и все, занялась своим ужином. Только Кити не опускала восхищенного взгляда с Мари. Молчание было недолгим. И вновь озорная полуулыбка Щербатского предшествовала его высказыванию:

– Великолепный суп! Не упущу случай ещё раз похвалить повара. Однозначно – француз! – заключил он.

– Вы ошибаетесь, ваша светлость, – подхватила Кити с искренней весёлостью. – Это няня – Неёла Ануфриевна. Она меня растила и сделалась кухаркой не так давно. У неё действительно все блюда превосходно выходят. Не удивительно, что вы так высоко её оценили.

Мари уставилась на Кити, не моргая. Князь после этой речи дочери аккуратно сложил салфетку на столе и, откинувшись на спинку стула, посмотрел на Щербатского в ожидании очередной колкости от друга.

Тут уж Щербатского и удержать нельзя было. Он разразился хохотом и, чуть успокоившись, подытожил:

– Действительно?! Поразительно!

Кити в замешательстве взглянула на отца. После её взгляд вернулся к Щербатскому с немым вопросом.

– Милая Кити, просто меня ввели в заблуждение. – Это пояснение Щербатский послал другу. Князь, не обращая своего внимания на Щербатского, обратился к Мари:

– Графиня, вы действительно правы. Манеры моей дочери оставляют желать лучшего... Моя любовь и вседозволенность по отношению к дочери могут погубить всё дело. Раз уж этой темы не избежать, вы – компаньонка моей дочери, детали обсудим позже. И прошу более не возвращаться к этой теме за ужином.

Мари хотела было ответить, но лакей внёс шикарного фазана, украшенного фруктами и ломтиками картофеля, с торжественной улыбкой молодой человек поставил блюдо посередине стола.

Князь в тот же момент поднялся и, поклонившись дамам, проходя мимо друга, хлопнул его по плечу.

– Щербатский, займись фазаном. Уверен, нянька Кити тебя удивит.

Сказав это князь, покинул обеденный зал.

Кити виновато вздохнула и опустила свои тоненькие плечики. Это свидетельствовало о полном унынии.

Щербатский, извинившись перед дамами, поднялся из-за стола и, подойдя к Кити, обхватил её за плечи. Чуть нагнувшись над ней, Щербатский произнёс:

– Кити, ты само очарование. Не расстраивайся, дитя моё.

После этих слов Щербатский выпрямился, коротко кивнул графине и удалился вслед за князем.

Кити подняла свои глаза на Мари и тихо произнесла

– Графиня, вы мне можете помочь?

Мари удивленно вскинула одну бровь.

– А что же произошло? Ты была прекрасна, и ничего катастрофического не случилось.

При этом Мари продолжила свой ужин.

– Ешь, моя дорогая. У твоей няньки действительно талант... тоже мне «военная секретность», – фыркнула Мари и, улыбнувшись, подмигнула Кити.

Князь практически влетел в свой кабинет и с грохотом захлопнул входную дверь. Он пребывал в крайнем раздражении и не понимал, что же его так довело. Влад подошёл к своему бару и плеснул себе в стакан добрую порцию коньяку. И только Влад одним глотком успел опустошить содержимое стакана, в его кабинет постучали.

Влад сделал вдох носом и хриплым голосом от горячительного напитка прорычал:

– Да, входи.

В кабинете появился Щербатский. Он молча прошёл к окну и достал из нагрудного кармана сигару.

– Не возражаешь, если я?..

– Я возражаю.

Щербатский расслабленной походкой, как в своих апартаментах, прошёл к камину и достал лучину, от которой неспешно стал раскуривать сигару.

– Вчера был... в театре, – выдохнув первый клуб дыма, произнёс он.

Князь сел в своё кресло за стол и молча стал наблюдать за раздражавшим его другом.

– Я был не в театре, я был за кулисами, – продолжал Щербатский. – Видел Лили Керн...

Щербатский уселся напротив князя и закинул ногу на ногу.

Князь, поняв, к чему клонит Щербатский, улыбнулся.

– И что же?

– Скажу тебе так, Лили прекрасна! Нет зрелища чудесней, чем разъярённая красотка: щеки пылают, зрачки лихорадочно блестят, а на губах немой вопрос... И гневный взгляд, почему-то в мою сторону. Ты давно не был у неё.

Последнее Щербатский произнёс утвердительно и хлопнул ладонью по столу. Это прозвучало как вердикт.

Князь какое-то время смотрел на друга, потом вздохнул и отвернулся к окну. Он был согласен с Щербатским. Он, Влад, давно не видел Лили, может, этим объясняется его постоянная раздражительность.

– Мне скучно, Бес... – произнёс князь, только чтобы уйти от этого разговора.

– О, что же делать, Фауст? – тут же подхватил Щербатский. – Развеселишься, когда Лили начнёт убивать твоих друзей.

– Она пыталась тебя убить?!

– Да. Взглядом. Сейчас будет дружеский совет: женщины не любят, когда с ними так. А такие женщины, как Лили... Ну, ты же понимаешь...

– Абсолютно нет, – ещё раз тяжело выдохнул князь.

– Завтра «Соловей» в Имперском... – сообщил Щербатский.

– Удачи.

– Обожаю тебя такого, – Щербатский вновь развеселился. – Мне не хватает в моей жизни уныния. Вероятно, поэтому я – твой друг...

– Я спас твою задницу, когда от неё в миллиметре был турецкий штык. Вот именно поэтому я – твой друг...

– И то верно. Ну, спешу откланяться.

Щербатский поднялся и прямым попаданием швырнул остаток сигары в камин.

– До встречи, мой печальный демон... – И, обернувшись у самой двери, вдруг произнёс со всей серьёзностью:

– Берегись компаньонки, не давай себя в обиду...

Дверь за ним закрылась, но князь ещё долго, прикрыв глаза, слышал его раскатистый смех.

Какое-то время князь, откинувшись на своём кресле, сидел в тишине. Ему следовало сообщить графине о своём намерении: оставить её компаньонкой Кити. Но что-то не давало ему покоя. Он чувствовал и понимал, что его жизненный уклад поменяется и эти изменения неизбежны. Кити выросла, и нужно устроить судьбу дочери должным образом. Безусловно, «старая гаргуля» раздражала его, но без неё Владу не обойтись.

Влад выпрямился и, облокотившись на массивный стол, растёр уставшие глаза. Он решительно взял колокольчик и позвонил, вызывая управляющего.

Тот не заставил себя долго ждать. Как и всегда, Гордей тут же появился в кабинете князя.

– Ваша светлость? – услужливо произнёс управляющий.

– Да. Пригласи графиню ко мне.

– Слушаю-с, ваша светлость.

Гордей склонился в почтительном поклоне и поспешил выполнить распоряжение князя.

Князь встал из-за стола и прошёлся по кабинету. Его покалеченная нога ныла и доставляла ему, помимо физических мучений, ещё и мучительные воспоминания. Эта ноющая тупая боль возвращала его в прошлое.

Князь подошёл к широкому окну и открыл его. Резко вдохнув свежий воздух, он, облокотившись на оконную раму, принял неизбежное. Он вспоминал. За окном простирался парк Ольденбургского поместья. Князь буквально видел, как наяву, свою красавицу жену, свою Элен. Она убегала от него, прячась за толстыми стволами деревьев, и её звонкий смех наполнял парк. Элен была прекрасна. Её волосы развивались, как и её одежды... И ещё качели... её любимые качели. Она как птица бесстрашно взмывала вверх и звонко кричала ему: «Выше!!! Выше...» И вновь смех колокольчиками. Князь чувствовал её, слышал её запах, стоя сейчас один в своём кабинете, спустя долгих пятнадцать лет.

Настойчивый стук в дверь вырвал его из мучительно-блаженных воспоминаний.

Князь резко втянул воздух и крикнул в раздражении:

– Да... Входите.

В кабинет с совершенно прямой спиной вошла графиня Валевская.

– Ваша светлость.

Князь почувствовал, как кабинет наполняет злосчастный лимонный запах.

– Прошу, проходите, графиня. Присаживайтесь.

Князь отодвинул стул для графини и помог ей устроиться. При этом он старался не дышать.

– Я хотел обсудить с вами... Рассказать вам о правилах пребывания в моем поместье.

Мари кивнула в знак согласия, и князь занял своё место напротив.

– Надеюсь, для вас очевидно, что сказанное мной Кити первоочередное, – продолжил князь. – Ваше мнение и ваши взгляды в отношении Кити с моими взглядами на её воспитание абсолютно схожи. Даже малейшего протеста или несогласия на свой счёт я не потерплю. Это ясно?

– Абсолютно.

– Чудесно. Далее... Я понимаю, что у вас и по сей день траур, но тем не менее... Бал, выезд в оперу, театр...

Князь пробежался взглядом по одежам Мари с нескрываемым отвращением.

– Что вы имеете в виду, уважаемый князь? Нарядиться во что-нибудь... что-нибудь розовое? – не удержалась Мари, но быстро поняла свою оплошность: – Простите.

Князь коротко кивнул в знак одобрения и продолжил:

– Важный момент нашей договорённости, графиня. Сдержанность. Не чёрный цвет и не серый. Это ясно?

– Ясно, ваша светлость

– Что касается первого выезда, то он состоится завтра.

– Завтра?! – почти взвизгнула Мари.

– Вас что-то смущает, графиня?

– Ровным счётом ничего, – почти шепотом пробормотала Мари.

– Прекрасно. Завтрашним вечером, без четверти шесть, я буду ожидать вас и Кити в холле.

– Могу я поинтересоваться, что это будет?

– Завтра в Имперском театре поёт «Соловей». Мы будем его слушать.

Мари ровным счётом совершенно не представляла, кто этот Соловей и что означает торжество в словах князя, но с выразительным восхищением изрекла:

– Прелестно.

– И ещё один нюанс... – Князь из стола достал вексельную книжку и, обмакнув перо в чернильницу, чётким движением начал заполнять вексель.

– Вы будете исправно получать жалование, я всё прекрасно понимаю, опустим комментарии на этот счёт...

Закончив, князь протянул вексель Мари.

– Думаю, мы договорились.

И конечно же, это было неприлично, но, не удержавшись, Мари заглянула в вексель и уже не смогла оторвать от него глаз. Мари приняла из рук князя вексель и поспешно выпалила:

– Ооо, конечно, ваша светлость.

Мари встретилась с испытующим взглядом князя и поняла свою ошибку. Князь отвёл взгляд, делая вид, что ничего не понял на ее счёт. И что ему совершенно нет никакого дела до её финансового положения.

– Я могу идти? – вставая, произнесла Мари.

– Доброй ночи, графиня.

– Доброй ночи, ваша светлость.

Мари сделала реверанс и быстро вышла из кабинета, позабыв о своей тяжести передвижения дамы в возрасте.

И от пытливого взгляда князя этот момент не ускользнул.

Покинув кабинет князя, Мари со вздохом облегчения спиной прислонилась к закрытым дверям кабинета. Она ещё раз взглянула на вексель, не веря в своё везение. Эта сумма была способна решить половину проблем и бед, нависших над Мари и её семьёй.

Услышав голоса с улицы, Мари спрятала вексель в рукав своего платья и прошла к выходу особняка. Она увидела, как управляющий Гордей что-то наказывает вознице и передаёт ему пачку писем. Тому самому вознице, что утром привёз Мари в поместье.

Мари со всех ног бросилась в свою спальню по широкой лестнице. Уже по пути она отругала себя за поспешность и необдуманность действий. Ей нужно было во что бы то ни стало отправить письмо, которое она начала ещё утром и не успела докончить. Так князь вызвал её к обеду. А теперь ещё у неё имелся вексель, она должна была успеть.

Мари, ворвавшись в комнату, на ходу стянула с себя безвкусную шляпку, откинула трость и, усаживаясь за стол, сняла пенсне. Мари нашла своё письмо и поспешно вписала ещё пару строк:

«Мне удалось! Я компаньонка у Ольденбургских. Этой суммы должно хватить, чтобы закрыть половину... Я безумно скучаю.

Нет времени писать... сейчас уходит почтовый дилижанс. Целую нежно мою любовь. Будет время, напишу. Мари Валевская».

Мари суетливо вложила в конверт вексель князя и быстро растопила печать. Дрожащими руками она скрепила письмо и выбежала из комнаты.

Промчавшись по лестнице, Мари распахнула парадные двери и выбежала на улицу.

Её разочарованию не было предела, когда перед глазами уже вдали предстал почтовый дилижанс. Мари в отчаянии топнула каблучком своих башмаков о кафель.

– Уехал! Как уехал?!

Мари так расстроилась, что не заметила рядом с собой стоящего управляющего, Гордея. Бурная реакция Мари вызвала негодование управляющего.

– Я могу чем-то помочь, ваше благородие?

В этот момент до Мари дошёл весь ужас происходящего. Удивленный вид управляющего говорил сам за себя.

Мари в ту же секунду, сообразив, схватилась за больную ногу. И, понизив голос, залилась слезами сожаления.

– Я хотела отправить почту...

Такой поворот событий привёл управляющего в еще большее удивление.

– Не расстраивайтесь, я всё улажу, – сбиваясь, начал успокаивать управляющий. – Возница доберётся до постоянного двора, там переночует и лишь поутру отправится в город. К тому времени я отправлю с вашим письмом нашего кучера.

– Ох, я вам буду крайне признательна! Благодарю вас, – уже успокоившись, ответила Мари и передала драгоценное письмо управляющему.

– Не стоит благодарностей, ваше благородие.

Управляющий Гордей принял письмо и склонился в поклоне.

– Доброй ночи, – произнесла дрожащим голосом Мари и, прихрамывая, направилась в особняк.

Гордей проводил её сочувственным взглядом и поспешил открыть двери перед графиней.

– Доброй ночи, ваше благородие.

Как только управляющий закрыл двери за Мари, его лицо переменилось. Он задумчиво взглянул на письмо, скреплённое печатью. Управляющий сделал пару шагов от дверей, и печать на письме надломилась под его пальцами.

– Ой!

Управляющий проворно развернул письмо и пробежался взглядом по красиво выведенным буквам. Гордей повторил вслух запомнившиеся ему слова.

– ...Безумно скучаю... целую нежно мою любовь.

Управляющий поднёс к носу вексель, и сумма, выписанная князем, его неприятно удивила. Гордей сложил вексель и письмо и спрятал во внутренний карман своего камзола.

Следующим утром радостный вскрик Кити раздался из кабинета князя и звонким эхом пролетел по особняку. Вслед за этим всплеском радости из кабинета отца вылетела и сама Кити. Преодолев в три прыжка нижнюю лестницу, Кити очутилась в кухне.

– Я сегодня еду в театр!!! – выпалила юная княжна.

Вся происходящая в кухне работа приостановилась.

Кухарка Неёла Ануфриевна едва успела отереть руки о фартук, как Кити кинулась к ней в объятия.

– Я услышу «Титулованного соловья»!!! Няня! Няня моя, наконец-то... А что графиня? Она знает? Она проснулась?

Подарив воздушный поцелуй конюху, Кити вихрем удаляется с кухни, оставив всех присутствующих в недоумении.

Спустя мгновение кухарка, опомнившись: – Бог мой, моя крошка! Мой ангел! Спаси и сохрани...

Неёла Ануфриевна трижды осенила себя крестом и поклонилась святому духу, чем вызвала недобрый смех конюха.

Кухарка, всхлипывая от накатившихся слёз, бормоча, продолжает заниматься завтраком для господ: – Спаси и сохрани, Господь...

– Что ей? Лошадь подарили, что ли? – так же громко хохоча, пробасил конюх.

– Тьфу ты, черт! – шикнула на него кухарка.

Старший конюх расхохотался во все свои легкие.

Утро Мари выдалось спокойным и безмятежным. Давно ей не выпадало такое утро. Она довольно поздно проснулась и какое-то время, лёжа в кровати, читала любимые сонеты. Потом горничная Лизи оставила у дверей Мари завтрак. И сейчас графиня сидела с растрёпанными волосами и в ночном платье, допивала горячий шоколад и задумчиво глядела в окно. Она лениво потянулась, и её красивый пеньюар – остатки былой роскоши – сполз с одного плеча. В это утро Мари была сама нега и блаженство.

И так продолжалось бы дальше, если бы после короткого стука в спальню к Мари не ворвалась радостная Кити.

Все произошло так скоро, что Мари ничего не успела предпринять. Она так и осталась сидеть на месте, в ворохе кружев своего пеньюара, с чашкой шоколада на весу.

Кити, не закрыв за собой дверь, даже вздохнуть не успев, сразу же перешла к делу:

– Графиня, доброе утро! Как вам спалось?! Вы извините, что я... Ой!

Девушка вдруг поняла, что перед ней совсем не то, что она ожидала увидеть. Перед ней сидела красивая женщина с разбившимися по плечам волосами. Тёмные, как шоколад, волосы оттеняли сияющую белизну её кожи. Большие глаза смотрели строго и спокойно. Только одна чёрная бровь взлетела в немом вопросе.

Графиня невозмутимо продолжила пить свой шоколад.

Кити сбивчивым голосом попыталась удостовериться:

– Графиня?

Мари, поставив чашку на поднос, села прямо, как истинная графиня, и с холодным спокойствием улыбнулась Кити.

– Доброе утро, милая. Будь добра, прикрой дверь, сквозняк.

– Ой, да! Конечно. Извините... – спохватилась Кити.

– Проходи. Садись. Не желаешь шоколада?

Мари произнесла эти слова почти с кошачьей мягкостью, что заставило Кити с восхищением принять её предложение.

– С превеликим удовольствием, графиня.

Кити присела на пуфик, а графиня изящно разлила по чашкам шоколад. Одну из них она подала Кити.

– А теперь потрудитесь мне объяснить, барышня, что заставило вас пренебречь вежливостью и правилами этикета и столь бесцеремонно ворваться в мою комнату?

И намёка на укор не послышалось в словах графини.

Кити пару раз сомкнула ресницы, и губы её растянулись в улыбке. Девушка не могла взять в толк, как эта женщина вместо своих объяснений ожидает извинений и объяснений от самой Кити. Это восхитило княжну. А Мари продолжала:

– Мы горим?

Кити все с той же улыбкой помотала головой.

– Кто-то в смертельной опасности?

– Нет.

– Тогда что же стряслось, моя дорогая?

Кити потупила взгляд и произнесла совсем тихо:

– Театр.

– Театр?! – удивилась графиня.

– Ну да. Извините мне это, графиня. Я совершенно обезумела от радости.

– Кити, я тебя не намерена отчитывать. Я действительно подумала, что случилась беда. Но я тебя немного пожурю. Я понимаю, что тебя переполняют эмоции и ты вне себя от радости,

но ты будущая княгиня. Этот твой первый выезд в театр говорит о том, что ты готова стать светской дамой.

Кити кивнула.

– Вот и веди себя соответственно. Я знаю, как это сложно, когда сердце готово выпрыгнуть от счастья... тогда, может, повременить с твоим «дебютом», может, ты не готова, и тебе ещё хочется прыгать в коротких платьицах по парку и лазать по деревьям? Сомневаюсь, что у тебя выйдет высидеть на стуле ровно три часа. Ты точно сможешь спокойно пройти к своей ложе?

Мари улыбнулась хитро, и Кити улыбнулась ей ответной улыбкой.

– Извините, графиня. Я буду стараться.

– Давай с этой минуты ты начнёшь себя вести как истинная княгиня.

Настал черёд Кити хитро улыбнуться.

– Тогда я бы поинтересовалась у вас, почему вы не такая? Нет. Почему вы появились у нас, как бедная родственница, чопорная вдова, да ещё в этой ужасной шляпе?!

Мари заговорщически наклонилась к Кити, сощурился глаза.

– Предлагаю тебе, Кити, заключить договор: я – открываю тебе свой секрет, а ты – будешь во всем советоваться со мной, когда придёт время. Давай постараемся доверять друг другу и ценить это доверие.

– Справедливо, – заключила Кити.

Управляющий Ольденбургского поместья Гордей сразу же невзлюбил новоприбывшую. И прошлым вечером Гордей убедился, что этой особе доверять нельзя. Ему вольготнее жилось до неё. Все было в его руках и в его распоряжении. Гордей чуял наверняка, что с этой женщиной нагрянут перемены, а они ему были ни к чему. Его всё устраивало. А эта графиня того и гляди все возьмёт в свои руки и начнёт командовать и распоряжаться всем и всеми.

Гордей приоткрыл со скрипом дверь в просторную комнату. Перед собой он внёс в комнату свечу. Просторная, но явно не жилая комната, заставленная сундуками и коробками, озарилась светом. Гордей осторожно прошёл к окну и приподнял портьеру. Управляющий смачно чихнул от поднявшейся пыли, которая словно танцевала в лучах света. Гордей обвёл комнату неспешным взглядом: трюмо, портрет, наполовину завешанный портьерой. С портрета на управляющего смотрела прелестная женщина. Можно было бы подумать, что на холсте изображена была Кити, но эту женщину отличали от Кити глаза с поволокой и волосы цвета вороньего крыла. Кити же, в отличие от матери, была светлоголовой и смотрела ясно и светло. Портрет погибшей супруги князя, в открытом от портьеры месте, покрылся внушительным слоем пыли.

Гордей провёл указательным пальцем по щеке покойной княгини, оставив четкую дорожку.

– Добрый день, ваша прекрасная светлость. Я ненадолго... Вы должны мне кое в чём помочь.

Гордей задул свечу и отложил. Заглянув в пару коробок, он вскоре нашёл то, что искал.

Из небольшого сундучка Гордей достал несколько миниатюр с изображениями титулованной родни княгини Элен Ольденбургской.

Управляющий с кропотливой серьёзностью рассматривал каждую и убирал обратно в сундук, пока при взгляде на одну миниатюру, на которой была изображена супружеская пара, губы управляющего не растянулись в торжествующей улыбке.

Вот оно!

Управляющий внимательно взгляделся в лицо женщины на миниатюре. Она хороша собой и молода. На миниатюре изображена счастливая чета Валевских.

Кити, сидя в комнате Мари, жадно разглядывала точно такую же миниатюру. Она не помнила мужчину и не помнила женщину, Мари, смотрящих на неё с изображения. Но общие черты лица мужчины и свои Кити заметила сразу.

– Это граф Валевский – твой двоюродный дядя, – пояснила Мари.

– Дядя совсем не похож на маму. Он похож на меня. Очень похож.

Мари заметили расстройство в словах Кити. Так хотелось девочке быть похожей на свою мать. Кити была безусловно хорошенькой и очень миловидной, но её мать Элен была истиной красавицей.

– Мой муж и твоя мама были очень похожи, – подбодрила девочку Мари.

– У них был схож характер, взгляды на определённые вещи, и они любили друг друга и во всём помогали друг другу. После гибели твоей мамы через год ушёл и мой супруг. Он довёл себя до такого состояния, что не мог жить дальше. Я не узнавала его в этот год. Он сильно выпивал и безоглядно губил себя.

Кити вновь, но уже с жалостью посмотрела на миниатюру.

– Карточный интерес в нём был всегда, – продолжала Мари, – но в этот страшный год он умудрился проиграть всё наше состояние и, заложив дом, проиграть и его...

– Какой ужас!

Кити всплеснула руками.

– Бедный дядя... Бедная вы...

– Чахотка унесла его очень быстро. Три недели. Слабый истощённый организм сдался за три недели. Я осталась одна с малышом на руках и матерью в почтенном возрасте. И теперь моё родовое имение уходит за долги...

– О, Господь всемогущий!

Глаза Кити наполнились слезами. Мари под села к Кити и взяла её руки в свои.

– До меня дошли слухи, что князь ищет для тебя компаньонку... И я решила ею стать. Но стать такой, какую князь Ольденбургский хотел бы видеть рядом со своей юной дочерью, которая делает первые шаги в свете.

– Я понимаю, – шмыгая носом, произнесла Кити. – Рара никогда не принял бы вас такой, какой я вижу вас сейчас. Вы – очаровательны.

– Ах, Кити... Извини меня за этот маскарад, прошу тебя.

Мари крепко обняла Кити.

– Моя судьба не оставила мне выбора. Я ухватилась за эту идею, как за соломинку, и поплыла по течению.

Кити отстранилась от Мари и, глядя ей в глаза, заявила со всей серьёзностью:

– Я обещаю, графиня, хранить ваш секрет.

– Спасибо, милая, добрая Кити. Спасибо тебе. Ты можешь звать меня Мари.

– Наедине так и поступим.

Кити порывисто поцеловала Мари в щеку в знак их дружбы и продолжила:

– А можно последний вопрос?

– Слушаю тебя, Кити?

– Этот невыносимый запах лимона тоже часть маскарада?

Мари улыбнулась своей новой подруге. Она была безмерно рада, что может разделить свой секрет с Кити. И что самое главное, юная Кити не осудила её, а поняла и приняла.

– Мы чуть не позабыли о главном! – спохватилась Мари.

– О чём? – подхватила Кити.

– Сегодня твой первый выезд. Сегодня ты будешь впервые сидеть в ложе, в самом модном платье этого сезона, и тобой будут восхищаться даже артисты со сцены!

– О, Мари! Сегодня исполнится моя заветная мечта! Я услышу «Соловья».

И вновь Мари слышит об этом «Соловье»: «Что же это такое?!»

– Соловья! Ты не слышала соловьев? – не удержалась Мари.

Кити уж было хотела поведать Мари одну из легенд о сладкоголосом герое, но ее порыв прервал стук в дверь.

Мари быстро юркнула за ширму и, понизив голос, произнесла:

– Войдите.

Вошла горничная Лизи.

– Доброго дня, ваше благородие.

Лизи удивилась, увидев вместо графини молодую княжну.

– Барышня, и вы тут?! Я принесла платья для графини, по распоряжению управляющего, для сегодняшнего вечера. Графиня?

– Я здесь, Лизи.

Послышался хриплый голос из-за ширмы.

– Вам бы примерить его?

Лизи решительно направилась к ширме, но путь ей преградила Кити:

– Лизи, графине нездоровится. Ты оставь платья и ступай. Я сама помогу графине.

– Как прикажете, ваша светлость.

Лизи присела в почтении и быстро удалилась.

Мари выглянула из-за ширмы и увидела на кровати два шикарных платья. Кити стояла рядом и аккуратно расправляла кружева и складки.

– Посмотри, Мари, это мамини.

– Думаю, если я их надену, твой отец будет не в восторге... Твоя мама одевалась как королева.

– Ты уверена, что хочешь поехать в этом?

Кити кивнула на темно-синее бархатное платье, что висело на ширме. Видимо, подготовленное к вечернему выходу в театр.

– Даже обсуждать не буду своё решение.

Мари подошла к кровати и аккуратно сложила роскошные платья погибшей княгини.

– А у тебя? Какое платье у тебя? – поспешила сменить тему Мари.

– Полная противоположность твоему, – с улыбкой ответила Кити. – Это и не важно...

– Да. И что же важно для молодой особы в этот день?

Кити мечтательно вдохнула и заломила руки.

– «Соловей»!

Мари закатила глаза.

– Так. Все утро о соловьях. Что же за птица такая, этот «Титулованный соловей»?

И тут Кити дала волю своим мыслям и фантазиям:

– Кто-то говорит, что он принц! И так как ему нельзя, что бы его узнали, он в маске.

– О... – многозначительно заметила Мари.

– Некоторые говорят, что он носит титул герцога, – продолжала Кити. – И у него разбито сердце, и поэтому, когда он поёт, у женщин, которые слушают, тоже разбиваются сердца.

– Мы не будем его слушать! Зачем нам такое?!

– Ну не ёрничай. Его голос так прекрасен, в его словах столько чувственности, и сам он так красив...

В дверь вновь постучали, прервав страстную речь Кити. Девушка так разозлилась, что, не сообразив, выпалила:

– Да войдите же!

Глаза Мари расширились от ужаса, когда дверь стала открываться. Мари в последнюю секунду успела укрыться за своей ширмой. А Кити так и осталась стоять, поражённая своей глупостью.

В спальню вошла кухарка Неёла Ануфриевна в сопровождении лакея. Тот нёс тяжелый поднос.

– Госпожа плохо себя чувствует? – поинтересовалась кухарка.

Ей ответил голос графини из-за ширмы

– Я плохо спала, мигрень. Я немного отдохну, и к вечеру пройдёт.

– Оставлю вам завтрак, госпожа.

Кухарка махнула лакею, и тот поставил поднос на чайный столик у окна.

– Кити, пойдём, нечего тебе тут. Пусть мадам отдохнёт.

Кити отчаянно замотала головой:

– Няня, я должна...

Её прервал строгий голос графини:

– Вы, барышня, должны составить отцу компанию за столом. Благодарю за заботу. Вечером увидимся. А вам предстоит много дел до вечера...

Кити тут же согласилась и пошла к выходу из спальни.

– Конечно, графиня. Отдыхайте.

Наконец Мари осталась одна. Она вышла из-за своего укрытия и закрыла двери на ключ. Это её расслабило, и Мари упала на кровать, широко раскинув руки.

Утро выдалось насыщенным. Мари лежала и смотрела в потолок. Она впервые задумалась о последствиях своего «маскарада». Это, так или иначе, был обман. Что же будет, если её обман раскроет князь?

Мари тряхнула головой, отгоняя плохие мысли, и сладко потянулась, блаженно улыбаясь.

Все ночи князя были похожи одна на другую, и каждую он переживал с трудом. Он маялся бессонницей и засыпал лишь под утро, измученный мыслями и воспоминаниями. Вследствие этого и дни князя начинались одинаково – плохо. По утрам он всегда прибывал в дурном расположении духа. Вот и теперь он сидел за обеденным столом и, уставившись в одну точку, средним пальцем пережимал пульсирующий висок.

Из подобного состояния его вывел вежливый кашель управляющего за спиной.

– Да, Гордей, – прикрыв глаза, произнёс князь.

– Ваша светлость, не сочтите за бестактность, я имею разговор в отношении графини Валевской.

– Лимонная кляча не влезла в платье княгини?

– Отнюдь.

Гордей посмеялся шутке князя и чуть склонился, понизив голос до шёпота:

– С платьями всё как раз хорошо... В том числе и этот момент навёл меня на мысль, что графиня...

Двери в зал распахнулись, и появилась Кити.

– Bonjour, papa¹.

– Bonjour, mon Ami².

Кити с сияющей улыбкой подошла к отцу и поцеловала его.

– Comment allez vous? – поинтересовалась Кити у отца.

¹ Добрый день, отец.

² Добрый день, мой друг.

– Merci, mon cher, tout va bien.

Кити обратила внимание на управляющего, который отодвинул для неё стул рядом с отцом. Кити присела за стол.

– Notre majordome est drôle quand il ne comprend pas un mot.

Князя это замечание позабавило.

– Beau gire, mon ange.

Князь взял руку дочери и поднёс к губам.

– Etes-vous prêt? Serez-vous la plus belle au théâtre?

– Oui, papa! Je promets.

Князь долгим взглядом смотрел на Кити. Его малышка выросла и превратилась в прелестную особу. Князь улыбнулся своим мыслям, но что-то спугнуло его улыбку.

– Kitty, tu as déjà appris quelque chose de ton mentor.

– Alors Quoi?

– L'odeur monstrueuse de citron³!

Кити звонко рассмеялась.

Наконец наступил тот самый долгожданный вечер, когда Кити впервые представят свету. И сделать это должна будет Мари.

Мари сидела в своей комнате перед зеркалом и наносила последние штрихи своего образа. Она заметно нервничала и торопилась. Мари натянула шляпку и последний раз окинула своё отражение критичным взглядом. С сурьмой для бровей она, конечно, переборщила, но времени на исправление не было. Мари нацепила на нос пенсне и, взяв свою трость, поспешила на выход.

Князь прохаживался по холлу в одиночестве. Каждый его шаг сопровождало гулкое эхо. Князь посмотрел на свои карманные часы и в нетерпении взглянул на лестницу. Князь замер, не веря своим глазам. К нему плавно спускалась маленькая фея в белом шёлке и кружеве. Князь всегда знал, что улыбка его дочери способна растопить айсберг, но сегодня... сейчас, в этот момент, Кити улыбалась так, что солнце обязано было взойти вновь.

Кити спустилась и подала руку отцу. Князь поцеловал руку дочери и заглянул в её звездные глаза:

– Kitti, magnifique briseuse de règles⁴.

Эту семейную идиллию нарушил громкий стук трости о кафед. Князь и Кити обернулись на звук и увидели спускавшуюся к ним графиню Валевскую. Она ковыляла подобно черепахе, при этом трость её издавала слишком громкий стук. При этом Мари умудрялась что-то ворчать себе под нос.

– Надеюсь, там не будет сквозняков. Я всегда после театра страдаю грудной жабой. Милая, ты захватила шаль? Не хватало ещё слечь после этого.

Кити еле сдерживала свою улыбку, глядя на отца. Его выражение лица не скрывало ни в коей мере его отношения к графине и её внешнему виду.

³ Как твой день? Спасибо, моя дорогая, все хорошо. У нашего дворецкого вид ещё важнее, когда он ничего не понимает. Мой веселый ангел. Ты уже выбрала платье? Ты сегодня будешь самой красивой в театре? Да, отец! Обещаю тебе. Кити, кое-что ты уже переняла у своей наставницы. Что же? Чудовищный запах лимона!

⁴ Кити, мой прекрасный мотылёк, нарушитель правил.

– Графиня, при всём моём уважении, – начал князь, – хочу вам заметить, что вы слишком ворчливы, брюзжание ваше, боюсь, не позволит нам получить удовольствие от предстоящего посещения театра.

– Я предвкушаю чудесный вечер. Нужно всем думать о хорошем, – сквозь слёзный смех произнесла Кити.

– Нужно думать о здоровье, – подытожила графиня и, проходя мимо Кити, подмигнула ей. Потом Мари, как должно, взяла князя под руку и поковыляла с ним к выходу.

– Я убит! – сквозь зубы проронил князь.

Экипаж князя Ольденбургского, запряжённый лихой четвёркой, мчался на закат. Дорога была неровной и извилистой. Экипаж то и дело подбрасывало, как кукольную каретку.

Мари ногтями вцепилась в обивку сиденья и что есть мочи пыталась не подавать и вида на неудобство.

Колёса экипажа грохотали, ветер свистел, а спокойный князь сидел напротив Мари и изучающие её разглядывал. Это было худшее стечение обстоятельств. Да ещё и Кити внесла свою лепту. Мари казалось, что если она ещё хоть слово услышит касательно этого «Соловья», она добровольно сойдёт с экипажа на полном ходу.

Но Кити воодушевленно продолжала:

– Одна графиня, очень впечатлительная, слушая «Соловья», в середине арии лишилась чувств. А когда пришла в сознание, сказала, что это было лучшее, что когда-либо с ней происходило в жизни.

– Бедная та графиня, должно быть, скучная у неё была жизнь... – пробурчала Мари.

– Говорят, после одной или двух арий он уходит со сцены, идёт по чёрному выходу, где его уже ждёт экипаж, и спешно уезжает. Толпа поклонниц пытается засвидетельствовать ему своё почтение, а он скрывается от них.

– Может, у него увечье, и потому не желает, чтобы его видели. Или просто не столь хорош собой, как его голос. Сцена способна даже уроду сделать красавцем

– О нет, графиня. Позвольте с вами не согласиться, он красив, как Аполлон...

– Так говорят?

– Да, именно так. Маска скрывает его принадлежность к аристократии. Говорят, что он имеет дворянский титул.

– И поэтому «Титулованный соловей»? Чепуха какая!

– Почему «чепуха»?

– Уважающий себя господин, да ещё и представитель аристократии, титулованная особа, никогда не выйдет на сцену исполнять арии. Это просто неприлично!

– Вот поэтому он в маске, – мечтательным шёпотом произнесла Кити.

Князь всё это время внимательно смотрел на графиню. Когда она посмотрела ему прямо в глаза, князь загадочно улыбнулся и отвернулся к окну.

Глава 2

Вереница экипажей тянулась на всю подъездную улицу театра. Чуть задержавшись у ступеней главного входа, они выпускали прелестниц в дорогих туалетах и господ в чёрных фраках. Бесчисленные огни улицы отражались в лужах и удваивались.

Экипаж Ольденбургских остановился в свою очередь перед Имперским театром. Князь спустился первым и помог выйти своим дамам.

Кити как замороженная положила свою руку на руку отца и последовала за ним.

Мари была рада тому, что князь не обратил на неё своего внимания и ушёл с Кити вперёд. Мари не меньше Кити поразило великолепие театра, и атмосфера торжества совершенно разволновала Мари. К счастью, уже в гардеробе Мари смогла обуздать своё волнение и трепет.

Князь провёл своих дам в их ложу. Кити вошла первая и чуть не лишилась сознания от восторга.

Огромная хрустальная люстра переливалась и отражала тысячи огней. Из бархатных лож этот блеск и свечение ловили и поддерживали невообразимые драгоценные камни и украшения дам.

Огромный тяжелый занавес ниспадал в оркестровую яму, откуда неслись всевозможные звуки.

Мари подошла к Кити и чуть прикоснулась к её плечу:

– Красиво, правда?

– Это прекрасно, Мари. Моё сердце может выпрыгнуть из груди.

Мари ободряюще похлопала Кити по руке.

Князь остался стоять поодаль, в глубине ложи. Он неспешным взглядом окинул зал, и по его выражению лица было понятно, что он многих помнит и узнал.

Из противоположной ложи Кити и князя в свой бинокль разглядывала баронесса Фрау Тицер. Старушка взвизгнула и пихнула в бок своего спящего супруга.

– Дусик! Посмотри, это, кажется... да! Это князь Ольденбургский. Неужели решился появиться! Какая уже взрослая дочь у Ольденбургского!

Барон побряхтел и принял бинокль жены, которым она тыкала барону в нос. Он какое-то время смотрел, приподняв седую бровь, и заявил с позиции знатока:

– Прелестна, она восхитительна! Кажется...

– Да, Кити, – выхватив бинокль, подхватила баронесса. – Как похожа на покойную княгиню, я даже в какой-то момент подумала, что это она. А какая была красивая чета Ольденбургских. Какое горе...

Баронесса шмыгнула носом. Супруг притянул её к своему плечу и сам печально протянул:

– Да..

Рядом с ложей барона и баронессы Тицер расположилась семья Лихониных. Графиня Лихонина вышла замуж за человека, не обременённого никаким титулом, и в связи с этим положение её сына Пьера и дочери Анны было неопределённым. И их нынешнее финансовое состояние оставляло желать лучшего.

Анна Лихонина была хороша собой и умна. Они с Кити когда-то были хорошими подругами, но Анна была старше на пять лет. Она раньше выпорхнула из детских комнат, и их интересы с Кити разошлись.

Старший брат Анны, Пьер Лихонин, в отличие от сестры, по-прежнему часто навещался в Ольденбургское поместье. Пьер служил у Влада Ольденбургского секретарем. Они часами просиживали в кабинете князя.

Анна первая заметила Кити и в радостном возбуждении почти выкрикнула:

– Мама, обратите внимание! Это же Кити!

Графиня Лихонина направила свой лорнет в сторону, куда указывала дочь.

– Да, действительно. И князь. Ну наконец-то! А то сколько можно... А кто это с ними?

Графиня Лихонина стала придирчиво разглядывать Мари и, оценив спутницу Ольденбургских, скривила губы.

Пьер смотрел на Кити, всегда, как заворожённый, казалось, он забывал в такие мгновения, как дышать. Но сегодня Кити была само совершенство, и молодой человек потерял голову.

– Мама, я хочу пойти поздороваться! – жеманно заявила сестра, дёрнув Пьера за рукав, чем отвлекла его от созерцания прелестного вида предмета его обожания.

– Я провожу её, мадам, – опомнившись, произнёс Пьер.

– Конечно, пойдёшь! Пойди и передай мое почтение князю. Пойди, пойдёшь, а брат тебя проводит.

Князь помогал дамам занять свои места в тот момент, как их окликнула тучная женщина из соседней ложи.

– Ваша светлость, вы ли это?! Кити, дорогая моя Кити! Я была доброй подругой твоей бедной матери. Как ты на неё похожа!

Князь всматривался в лицо дамы, но никак не мог признать, кто она. А дама продолжала:

– Позвольте представить вам, мой сын, Добротворский Сергей.

Дама подтолкнула высокого молодого человека лет двадцати пяти. Он был совсем не похож на мать. Почти болезненная худоба делала его без того огромные тёмные глаза бездонными. Иссиня-чёрные волосы спадали на один глаз завитком. Любая молодая особа была обязана влюбиться в подобное сочетание.

– Перед тобой князь Ольденбургский, его дочь Кити, – продолжала дама, не заметив при этом Мари.

Князь поспешил исправить её оплошность:

– Графиня Мари Валевская. Графиня, наша дальняя родственница и друг, компаньонка моей дочери.

Дама виновато улыбнулась Мари и ещё раз подтолкнула вперёд своего сына.

– Ваша светлость, – поклонился молодой человек князю. – Графиня, рад познакомиться, княжна...

Добротворский взял дрожащую руку Кити в свою и, перегнувшись через перила, запечатлел легкий поцелуй. Молодой человек выпрямился и одарил Кити незабываемой улыбкой. Такую улыбку обычно называют улыбка номер три или пять.

Кити смущенно улыбнулась в ответ и произнесла:

– Мне тоже очень приятно.

– Кити! Здравствуй, Кити!

В ложу к Ольденбургским в радостном приветствии ворвалась Анна Лихонина, Кити тут же кинулась к ней навстречу:

– Анна!

Девушки заключили друг друга в объятия, не обращая внимания ни на кого вокруг.

– Какая ты красивая, Кити! – защebetала Анна, но тут, опомнившись присела в реверансе перед князем.

– Ой, добрый вечер, ваша светлость.

– Анна, – кивнул Влад ей. Тут же князь заметил Пьера, стоявшего поодаль. Но Анна вновь завоевала всеобщее внимание:

– Маман приветствует вас вон из той ложи, она рада вас видеть.

Князь обернулся и увидел, как из противоположной ложи ему энергично, с широкой улыбкой на губах, белым платком машет графиня Лихонина.

Но платок графини застыл, а после и вовсе выпал из руки, когда графиня обернулась и увидела вошедшего к ней в ложу мужчину. Улыбка графини тоже померкла. Графиня, как обеспокоенная птица, переводила встревоженный взгляд с вошедшего мужчины на князя и обратно.

Князь Веронский был закоренелым холостяком. Он владел приличным состоянием, и оно удваивалось каждый год благодаря его острому уму и пронырливости. Это был красивый мужчина сорока семи лет. Долгие годы Веронский слыл самой завидной партией, пока мечтательные мамы окончательно не убедились, что лучше держать своих дочурок от него подальше. Ему ничего не стоило скомпрометировать юную особу, а после застрелить её отца или брата на дуэли.

Веронский вошёл в ложу графини Лихониной, чтобы выказать своё почтение и восхищение по поводу её дочери Анны.

Но войдя, Веронский перехватил взгляд графини и уткнулся в холодные глаза князя Ольденбургского. Веронский не ожидал этой встречи. Он неотрывно глядел в противоположную ложу и видел ненависть.

Казалось, что театральный зал затих и звенящая тишина давит на барабанные перепонки. Напряжение между двумя мужчинами было столь же ощутимо, как и бешеная энергия, витающая меж ними.

Влад с такой силой сжал зубы, что стоявшей рядом с ним Мари было видно, как на его челюсти заходили желваки.

Мари оперлась на руку князя, демонстрируя нужду в его помощи, чтобы передвинуться вперёд.

– Анна, а я вас помню, вы и Кити были совсем крошками, когда я вас видела последний раз.

Мари сжала свою руку, больно ущипнув Влада.

– Князь?

– Да. Позвольте представить: графиня Валевская, – опомнившись, представил князь Мари.

Влад всегда считал Щербатского своим верным другом. И как бы порой Щербатский ни раздражал Влада, тот всегда был ему рад. А в момент, подобный этому, Щербатский, появившийся в ложе князя, казался князю спасительным голубем с оливковой ветвью в клюве.

Щербатский появился и сразу же всё просчитал. Одного взгляда в противоположную ложу ему хватило, чтобы понять, что дело дрянь.

– Доброго вечера, графиня, Кити. Здравствуй, Анна. Мое почтение. Прошу мне извинить... Влад.

Щербатский посмотрел на друга.

– Ольденбургский, могу я вас просить на пару слов?

– Да, конечно, – тут же отозвался князь и, поклонившись дамам, вышел вслед за другом.

Напряжение заметно спало, и Пьер Лихонин нашёл подходящим в этот момент обнаружить себя для Кити.

– Здравствуйте, Кити.

– Добрый вечер, Пьер, – обрадовалась встрече Кити и подалась навстречу Пьеру. Но зал взорвался аплодисментами и свет начал ускользать.

– Ой, начало! – выдохнула восторженно Анна. – Кити, после увидимся. До свидания, графиня.

Анна быстро поцеловала Кити и выскочила в коридор, буквально утащив за собой Пьера. Его слова прозвучали уже из коридоров:

– Хорошего времяпрепровождения.

Сергей Добротворский тоже был вынужден занять своё место. Он до последнего, стоя у перил, разделяющих их ложи, надеялся на внимание Кити.

Только мужчина в противоположной ложе, тот самый, который вызвал гнев князя, продолжал стоять за креслом графини Лихониной. Он не сводил своего пристального взгляда с Кити и Мари.

Мари пробрала дрожь.

– Кити, а кто этот мужчина, который так неприятен твоему отцу?

– Это князь Веронский, – стараясь не смотреть в его сторону, прошептала Кити. – Прежде они с отцом были очень дружны. Но у них случились разногласия из-за... и я толком не помню, но теперь они злейшие враги.

Дирижёр взмахнул своей волшебной палочкой, и полилась музыка. Тяжёлый занавес из золотой парчи и бархата поплыл вверх, и женская половина зала замерла после звучного вдоха.

Мари и Кити переглянулись с улыбкой и устремили своё внимание на сцену.

В одиноком луче света на сцене стоит мужчина. Он стоит гордо и даже с некоторым вызовом. Об этом свидетельствует все, даже страстный блеск его глаз скрытых темной полумаской. Романтичность и загадочность образа завершал длинный чёрный плащ окутывающий высокую статную фигуру мужчины. Поднимая медленно руку, он как- бы тянется к чему-то невидимому и далёкому, делает глубокий вдох, и мягкий нежный голос его начинает сквозь пространство разливаться по залу, захватывая сердца слушательниц в сладкий плен.

Кити, затаив дыхание, смотрит на сцену. Мари серьезно и довольно скептически наблюдает за артистом. Она никогда не слышала голоса, подобного этому. Мари всегда удивляла и восхищала способность людей раскрывать на чувственном уровне свою душу и доносить её до другого человека. Это и есть талант, думала Мари.

А голос пел знакомые слова, но звучали они по-иному:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

По мере того, как сладкоголосый Соловей уносил Мари в иные миры и пространства, на лице Кити меркла улыбка и гнев маленькими огонечками светился в сузившихся глазах. Дыхание Кити участилось, а её прекрасные щёки приобрели лихорадочный алый цвет.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

После крайней спетой музыкальной фразы Соловей, не дождавшись завершающего аккорда, покидает сцену под бурные авиации. Зал аплодирует стоя, женщины, не стыдясь, выкрикивают: – Bravo! – и тут же теряют сознание.

Кити насчитала таких три штуки. Это ещё больше рассердило маленькую дебютантку.

Соловей быстрым широким шагом миновал коридоры служебной части театра. Из артистических уборных высунулись все, кто мог в этот момент. Но никто не смел выйти и погостить на пути Соловья.

Только одна обворожительная блондинка с шикарными формами преградила ему путь и ласково улыбнулась.

– Здравствуй, любимый, – промурлыкала Лили Керн.

Сказав это, она открыла настежь двери своей уборной, и Соловей, улыбнувшись ей в ответ, скрылся за дверью, которой Лили громко хлопнула, закрыв её перед носом зевак.

Но не успела удивленная толпа обсудить увиденное, как в коридоре возник второй Соловей, в совершенстве похожий на первого, что только что скрылся у Лили.

Второй Соловей размашистым шагом напрямик идёт к служебному выходу. Выйдя на свежий воздух, мужчина судорожно вдохнул и запрыгнул в поджидающий его экипаж. Наемный экипаж тут же тронулся с места и исчез во влажном тумане ночи.

В зрительном зале продолжают мини-спектакли. Одну даму вынесли ногами вперёд. Кого-то приводят в чувство нюхательной солью.

Кити это всё уже поднадоело. И даже её компаньонка, даже Мари купилась на этот фарс. Мари в слезах смотрит на сцену невидящим взглядом.

Кити даже фыркнула от раздражения. Она даже злилась на Мари за подобное «предательство», но в ложе появился отец, и Кити с радостью перенесла свои злость и раздражение на виновного.

Кити тяжелым взглядом встретила отца.

– Я все пропустил? – поинтересовался князь. – И чудесно.

Кити резко поднялась со своего места.

– Графиня, вы не против, если мы покинем театр сию же минуту?

Мари, постепенно приходя в сознание: – Что? Прости, дорогая. Что? Ты заболела? А я говорила... Возьми мою шаль. Тебе нехорошо.

– Если бы вы знали насколько, вы бы мной гордились.

Сказав это, Кити прошла мимо отца к выходу. Мари в силу своих возможностей поспешила за ней. Князь молча вышел следом.

Экипаж остановился у парадного входа Ольденбургского поместья. В загустевших сумерках тускло светили фонари, освещая экипаж и прибывших.

Первая спустилась Кити, опередив отца и тем самым уклонившись от его помощи. Князь поспешил за ней.

– Я хотел бы с тобой поговорить, Кити.

Кити резко повернулась и, чуть поскользнувшись на мокром камне крыльца, отрезала:

– Возможно, стоило раньше это сделать? Доброй ночи.

У самых дверей Кити встретил управляющий Гордей с тепло горящими свечами и улыбкой.

Князь проводил дочь взглядом и вернулся помочь графине.

Эта особа тоже справилась без его помощи и проковыляла мимо с важным видом.

– Доброй ночи, ваша светлость, – прокричала графиня.

– Ага, – послышалось от князя в ответ.

Мари хотела было отчитать князя за подобную дерзость, но её планы переменяла доброжелательная улыбка управляющего. Мари сразу же почувствовала подвох и предпочла не гневить князя. Она спокойно прошла в раскрытые для неё двери, приняла свечу из рук управляющего и скрылась в темноте особняка.

Управляющий Гордей тут же поспешил к князю.

– Ваша светлость, я хотел бы вас предупредить в отношении графини Валевской.

Князь устало потёр глаза:

– Продолжай.

– Я хочу показать Вам одну вещь...

Гордей протянул князю миниатюру, что обнаружил в спальне покойной княгини.

– Графиня Валевская не может быть той особой, что только что похромала мимо... При всём моём уважении, её возраст и внешние данные не позволяют ей быть вашей свояченицей, графиней Валевской.

Князь взгляделся в изображение миниатюры. Он узнал двоюродного брата Элен, Алекс был чертовски похож на неё, даже, скорее, на Кити. Кити на него. Затем князь перевёл своё внимание на женщину, чьё лицо ему было знакомо. Вот только эта женщина была красива. Впервые Влад подумал о природе женской красоты. Красота Элен была бесспорной, но она была холодной. А красота этой женщины с миниатюры была иной... Прекрасная улыбка и добрые глаза, высокие скулы и волосы... Если изображение не исказило цвет, то волосы у неё были глубокого тёплого цвета, точно солод.

Князь отдал миниатюру обратно Гордею и, направляясь в особняк, произнёс:

– Ты не представляешь, что может с человеком сделать горе...

Было непонятно, кому он адресовал эти слова. Возможно, себе самому.

Кити, лёжа на своей кровати, слушала Мари и не понимала, как мужчины могут быть такими безответственными и непонимающими?

– Потом родился Пьер, и всё вроде стало налаживаться, – продолжала графиня. – Алекс прекратил играть, прекратил злоупотреблять спиртным и стал тем человеком, которого я любила. Но это длилось недолго, – продолжила Мари. – Гибель своей сестры, твоей мамы, он не смог вынести. Возможно, это был только предлог, но мне не хочется так думать.

Мари села на кровать рядом с Кити и начала расплетать её причёску. Кити села поудобней для Мари и спросила осторожно:

– Он вновь начал пить?

Мари тяжело вздохнула.

– Весь последующий год, со дня гибели твоей матери и до последнего своего дня, его засасывал омут мертвой пьянки. Я не просто так тебе это рассказала... Я хотела, чтобы ты увидела двух мужчин, которых посетило горе. И как каждый из них с этим горем справился. Возможно, что-то мешало твоему отцу рассказать тебе правду об этом Соловье.

Кити резко повернулась к Мари, отчего Мари нехотя дернула её за локон.

– Он обманывал меня, – морщась от боли, прорычала Кити. – Мари, он никогда и ничего мне не рассказывает. Ничем не делится со мной. От моих расспросов о маме он... он просто отмахивается. И это в лучшем случае.

– Он не обманул, а просто кое-что утаил. Это разные вещи, – пыталась переубедить её Мари. – Вот почему он так себя ведёт по отношению к памяти княгини, это другой разговор.

– Мари, ты знаешь, что говорят и обсуждают в каждом доме этим вечером? Вспоминают «бедную княгиню» и её мужа – «убийцу». И их несчастную дочь-затворницу...

– Кити! Не говори так!

Мари погрозила пальцем, ей казалось это высшей степенью убедительности.

– Но это так! – настаивала Кити.

– Кити, моя дорогая девочка, ты не представляешь, через что пришлось пройти твоему отцу. Тебе тоже пришлось несладко, но ты была малышкой, которой нужны были любовь и забота. И твой отец сделал все, что мог, для тебя. Кити, твой отец любит тебя. И сегодня он появился в обществе только ради тебя... Ему это дорогого стоило...

От такой страстной речи у Кити из глаз покатались слёзы.

– О, ужас! Что я сделала, Мари?!

Кити вдруг поняла всю нелепость своей обиды. И даже более того... Она сама умудрилась обидеть единственного близкого человека в её жизни – своего отца.

А Мари продолжала объяснять Кити неправильность её поступка:

– Главное – понимать, что ты можешь всё исправить. Я рада, что тебе не пришлось долго разъяснять неверность твоей обиды по отношению к отцу.

– Спасибо тебе, я повела себя как эгоистка. Пойду, извинюсь перед отцом.

– Уже поздно, дорогая. – Мари удержала Кити и помогла ей снять платье.

– Сегодня был сложный день. Говорят: утро вечера мудренее. Отдыхай, а завтра объяснишься с отцом. Уверена, он сейчас многое должен обдумать...

Кити с полусонным взглядом улыбнулась Мари и забралась в постель. Мари, поцеловав её перед сном, пошла к выходу, но Кити неожиданно её остановила:

– Мари, а ты узнала Соловья?

Мари чуть заметно кивнула и прикрыла за собой дверь.

Покинув комнату Кити, Мари подхватила свечу, заботливо оставленную в тёмном коридоре кем-то, и спустилась вниз. Ей совсем не хотелось спать. Сейчас, когда особняк был погружен в тишину и покой, Мари представлялась возможность получше оглядеться. Она шла тихо и осторожно. Мари совсем не хотелось наткнуться на кого-то. И вновь она мысленно отругала себя за свою беспечность. Трость и пенсне Мари оставила в комнате Кити, но возвращаться за ними Мари не пожелала. Очень уж ей хотелось попасть в бальный зал, который так ревниво от посторонних охранял управляющий.

Свеча в руках Мари отбрасывала на стены тени, и Мари всякий раз настороженно останавливалась и прислушивалась к темноте и тишине.

Наконец Мари добралась до своей цели, но её ожидало разочарование. Тяжелые двери были, видимо, заперты на ключ и никак не поддавались Мари.

Вдруг Мари услышала какой-то шум на лестнице и поспешила скрыться в кухне. Она мысленно ещё раз упрекнула себя за беспечность и забывчивость.

Заглянув в кухню и убедившись, что там никого нет, Мари вошла и немного успокоилась. Она поставила свечу на кухонный стол, взяла с полки кружку и наклонилась над ледником, достать молока.

Мари осторожно выпрямилась, почувствовав, что за ней кто-то стоит. Она резко развернулась с банкой молока в руках и вскрикнула от неожиданности.

Суровые глаза глядели на неё в упор, совсем близко. Этот взгляд холодил кровь и вселял ужас. Казалось, взгляд устремлён сквозь Мари или, точнее, видит Мари насквозь.

Старший конюх молча взял из рук Мари банку молока и наполнил свою кружку. Все так же странно поглядывая на графиню, он отхлебнул молока и, всучив ей банку обратно, вышел из кухни во двор.

Мари ещё долго смотрела ему вслед, еле дыша, в полном оцепенении. Дрожащими руками она вернула банку в ледник и помчалась прочь из кухни.

Утро выдалось солнечным и тёплым. Наконец весна всерьёз заявила о своих правах. Служанка Лизи распахнула темно-голубые портьеры, и в комнату прорезались весенние лучи. Парочка тёплых стрел попала на лицо спящей Кити, отчего она быстро проснулась и, сладко потянувшись, соскочила с кровати.

– Доброе утро, Лизи.

– Доброе утро, мадемуазель...

– Отец уже проснулся?

– Давно уж, госпожа. За завтраком сейчас.

Кити подбежала к умывальне и сполоснула лицо водой из кувшина.

– Лизи, помоги мне одеться. Быстро!

– Да, госпожа.

Кити скрывается за ширмой и тут же из-за ширмы летит её ночное платье.

Кити очень спешила в это утро. Ей предстоял серьезный разговор с отцом. Кити ужасно с ним обошлась, и это мучило её всю ночь. Только под утро она смогла уснуть. Но даже в своём беспокойном сне она ожидала наступления нового дня. Ей нужно было объясниться с отцом.

Князь в это утро сидел за столом в обеденном зале, листая газету. У него было отвратное настроение, и его нетронутый завтрак лучше всего свидетельствовал об этом.

Князь пребывал в полнейшем одиночестве, не считая двух лакеев, что сливались со стеной. Но его уединение было нарушено.

Сначала появился резкий запах лимона, а после перед глазами князя возникло «недоразумение, выдающее себя за женщину» – так князь мысленно окрестил графиню Валевскую.

Влад на самый краткий миг поднял на графиню взгляд и, уткнувшись обратно в газету, пробубнил что-то вроде приветствия.

– Доброе утро, графиня. Аромат лимонов предупреждает ваше появление.

Мари, полностью игнорируя отвратное поведение князя, расплылась в дружеской улыбке.

– И вам, ваша светлость, доброго утра. Благодарю вас, я спала хорошо и вчерашний день ничуть не утомил меня.

– Ну что вы, не вставайте, не утруждайте себя, – продолжала графиня. – Как молодой девице на выданье усвоить элементарные правила этикета, если их ни во что не ставит её же отец?! Прекрасный пример вы подаёте...

– Кити здесь нет, – проворчал князь

– Я здесь, отец, – послышался звенящий голосок Кити.

Появление Кити в обеденном зале осталось незамеченным и князем, и графиней. Один был увлечён чтением газеты, а другая стояла к Кити спиной. И теперь, всплеснув руками в радостном приветствии, Мари обняла и поцеловала свою подопечную.

Князь отложил наконец свою газету и поднялся с места.

– Доброе утро, mon cherгу, как твой сон?

Кити подошла к отцу, и он запечатлел на её щеке легкий поцелуй.

– Спасибо, отец, честно признаться: я спала плохо.

Князь помог дочери присесть за стол, а за графиней поухаживал лакей. Мари, поблагодарив его надменным кивком, обратилась к Кити:

– А что тревожило тебя, дорогая?

– Я всю ночь думала об одной вещи.

Кити опустила глаза и, сделав глоток воды, продолжила:

– Какими же мы – дети – можем быть неблагодарными существами. Мы можем не видеть и не замечать всех усилий, которые наши родители прилагают. Мы с лёгкостью принимаем все блага от наших родителей как данность. Но случись что-то не по-нашему, мы тут же это замечаем и выказываем своё недовольство. Посему я сделала для себя неутешительный вывод... – Кити подняла полные слез глаза на своего отца. – ...Все дети – эгоисты. Bonjour, рара.

– Bonjour, mon soeur, – с нежной улыбкой произнёс князь.

В этот момент Мари, сама не ожидая того, залюбовалась князем. Она впервые отметила для себя его черты как весьма впечатляющие. Такая улыбка преобразила лицо князя. От глаз разбежались лучики морщинок, и взгляд из сурового превратился в мальчишеский. Всегда плотно сжатые губы теперь стали живыми и...

Мари поверить не могла в свои мысли. Она сейчас размышляла о губах князя. Точнее, о нижней губе, она была пухлее и больше.

Мари усердно моргнула пару раз, чтобы прогнать ненужные мысли. Хуже всего было то, что она потеряла суть разговора и не понимала, о чём сейчас речь.

– ...столько знакомств. И я так давно не видела Анну Лихонину, я была рада её повидать, – долетели до Мари слова Кити. – А как вам, графиня?

Мари долго смотрела на Кити, пытаясь по её выражению угадать, о чём же идёт речь, но, так ничего и не поняв, кивнула головой.

– Весьма впечатляюще...

– Что же вас «весьма впечатлило», графиня? – впервые обратился к графине князь.

Мари сделала глубокий вдох, так как симпатия к этому человеку вновь уступала место раздражению.

– Меня впечатлили вокальные данные и их подача артиста, что вчера выступал в Имперском театре.

– На мой взгляд, ничего особенного в этом Соловье нет, – как бы с безразличием заметила Кити.

– Я ему передам твоё разочарование, – вновь улыбнувшись, заговорщически сказал князь.

– Уж будьте любезны, рара.

Кити также ехидно улыбнулась отцу в ответ.

В кухне Ольденбургского поместья стояла духота. Жар от печи дополняло весеннее солнце, и духота была почти невыносимой.

Кухарка Неёла Ануфриевна открыла настежь двери во двор и, прислонившись к косяку, стала обмахивать себя передником.

– Ты сейчас тесто поставь, а я рыбой займусь. Подготовим к обеду все, и поди отдохни, погуляй... погода сегодня хорошущая...

Служанка Настасья послушно кивнула и тяжело поднялась со скамьи. Держась одной рукой за поясницу, а другой опираясь о стол, Настасья тяжело, как большой корабль, подалась вперёд. Увидев стоящего в дверях Гордея, Настасья замерла и попыталась руками прикрыть свой живот, что было уже невозможно. Восьмой месяц беременности выдавал её с головой.

Настасья кивнула управляющему Гордею и поплыла к разделочному столу.

Гордей, оценив её надменным взглядом, перевёл своё внимание на кухарку, которая уже вовсю разделывала рыбу.

– Неёла Ануфриевна, до какой поры это будет продолжаться?

– До известной поры, Гордеюшка. Или тебе невдомек? – улыбнулась кухарка

– Обременённость мешает ей работать.

Кухарка одним махом отсекла рыбку голову и воткнула нож в деревянный стол, затем медленно и спокойно с улыбкой посмотрела на управляющего.

– Ну, господа покуда всем довольны, не жалуются. А значит, справляемся как-то. Ты не ворчи, что там почтовый привёз? Есть что для меня? – переменяла тему Ануфриевна.

– Есть, – благодетельно произнёс Гордей и протянул маленький клочок бумаги, сложенный пополам.

– Ах, голубчик мой, – отирая руки о передник, выхватила письмо Неёла. – Не забывает мать, мой золотой! Благодарю, Гордей, так ждала письмеца.

Развернув письмо, кухарка ласковым взглядом пробежала по строкам и, налюбовавшись, обратилась с той же лаской к Гордею:

– Гордеюшка, прочти письмецо... сделай милость.

Улыбнувшись ей с деловитой важностью, Гордей взял письмо и, прочистив горло, не произнёс ни звука, только было видно, как зрачки его цепляются за строки, а улыбка меркнет.

Неёла Ануфриевна, замерев в ожидании на скамье, всматривалась в лицо управляющего, чтобы уловить хоть что-то из письма сына. Неуверенно улыбнувшись, она аккуратно поинтересовалась:

– Вести-то хоть добрые?

Наконец, не выдержав, она подскочила с места.

– Да вымолви хоть слово, что? Что там?

Гордей с полным отчаянием посмотрел на Неёлу и медленно стал двигаться в её сторону.

– Неёла... Неёлушка...

– Что? Что ты говоришь мне?

Слёзы безудержно катились по щекам старой женщины.

– Живой? Что, живой?! – всхлипнула она.

Самое дорогое, что было в существовании князя, это была его дочь. Он смотрел, как Кити, щурясь на солнце, собирала первые одуванчики. И эти первые цветы приносили ей счастье. Князь всегда смотрел на дочь и удивлялся, как этот человек может радоваться простым вещам. Только через свою Кити он мог принимать этот мир, и даже эти первые весенние цветы могли его радовать.

Кити подошла к отцу и взяла его под руку. Она запрокинула голову, подставляя лицо солнечному свету.

Князь вновь залюбовался ей.

– Прости меня. Я должен был тебя предупредить, но это была не моя тайна.

Кити наигранно вздрогнула от неприятной мысли.

– Щербатский – Соловей. Уму непостижимо.

– Помнишь, мою... приятельницу Лили Керн?

Кити взглянула прямо в глаза отца и многозначительно приподняла бровь.

– Я её помню.

– Она потеряла голос перед выходом. И чтобы поддержать её и засвидетельствовать своё почтение, мы с Щербатским пришли к ней в артистическую уборную.

Кити приподняла и вторую бровь, чуть охнув.

– Не нужно на меня так смотреть, Кити. Именно поэтому я довольно долго скрывал от тебя.. и раз уж мы наконец дошли и до этой темы, то позволь мне быть с тобой откровенным.

– Конечно, отец, – ободряюще кивнула она.

– Естественно, как ты понимаешь, трезвы мы не были. Лили и я уговорили Щербатского в качестве забавы-эксперимента выйти вместо Лили. Это был просто порыв веселья, дурацкая забава. Я долго размышлял, и вот что я понял... Никакие материальные блага не заменят тебе момента удовольствия жизни.

Князь, как и Кити, поднял лицо к солнцу.

– Человек уходит из этого мира и ничего не берет с собой! Вообще «момент» – это и место, и время, и в этом вся суть жизни. Момент в поцелуе, момент рождения, момент принятия решения... из моментов складывается судьба, и нужно уметь ловить приятные моменты жизни.

Князь посмотрел на дочь и широко улыбнулся.

– Наш знакомый это умеет... – подмигнув ей, произнёс князь.

– Я понимаю, о чем ты... – задумчиво произнесла Кити. – И с тех пор Соловей иногда появляется перед выступлениями Лили. Я прежде не обращала на этот факт внимания. Ну надо же... как интересно.

Князь, остановившись, бережно за плечи развернул Кити к себе лицом и, заглянув ей в глаза, произнёс почти шёпотом:

– Я для тебя сделаю невозможное, *mon petit*. Я буду стараться...

Кити раскрыла руки и заключила отца в крепкие объятия.

– Я знаю.

Кити в своей жизни любила только двух человек и искренне была к ним привязана. Конечно же, отца и свою нянюку – Неёлу Ануфриевну. Нынешняя кухарка вырастила Кити, заменив ей мать.

Если бы Кити сейчас видела свою дорогую няню, её сердце разорвалось бы от горя.

Неёла Ануфриевна, сидя на скамье, раскачивалась из стороны в сторону, зажав рот обеими руками. Сквозь них прорывались рыдания и всхлипы.

Управляющий Гордей, не смея присесть рядом, так и застыл в нерешительной позе.

– Матушка... Бог мой, Неёла Ануфриевна...

– Мой бедный сын, мой Клим, мальчик мой. Откуда же такое горе на мою жизнь?!

В кухню неспешно вошёл старший конюх и замер в дверном проёме. Он вопросительно посмотрел на Гордея. Тот, наконец решившись, присел рядом с Неёлой и, утешая её, похлопал по плечу.

– Неёла Ануфриевна, ну успокойся, ну горе. Ничего, ничего... Вот что, пошли-ка скорее мы с тобой напишем ответ сыну твоему, – неожиданно для себя нашёл верное средство Гордей. – Ты, Настасья, почтового чаем угости, я его сейчас пришлю. Он откушает. А мы, Неёла, сыну твоему отпишем, чтобы к тебе ехал, сюда. Чего ему теперь там, в одиночку с горем бороться?

Глаза кухарки засияли надеждой, она схватилась за это предложение, как утопающий за спасательный круг.

– Ой, дай бог тебе здоровья!

Неёла тяжело поднялась, не без помощи Гордея.

– Мой мальчик... – уже решительно продолжила она. – Действительно, не дай бог чего свершит ещё в припадочном состоянии. Моя голубушка, не родила, моя Марьюшка. Не смогла, царство ей небесное. Да пребудут с нею ангелы...

Неёла Ануфриевна и все присутствующие осенили себя крестом. Только старший конюх не вскинул руки. Он в задумчивости смотрел на управляющего.

Конюх вообще не особо любил людей, но были также особо нелюбимые. К таким и относился управляющий Гордей. Более всего конюха настораживало то, что Гордей его побаивался. Конюх чуял его страх за версту, но не понимал природу этой боязни. Вот и теперь от пристального взгляда конюха Гордей засуетился и покраснел.

– А я с князем нашим попробую переговорить и за тебя словечко замолвлю, – промокнув испарину белоснежным платком, громко заявил Гордей. – Попробуем сына твоего пристроить...

– С князем я сам потолкую, – перебил конюх. – Помощник мне нужен...

Конюх чуть улыбнулся Ануфриевне.

– Ступай. Пиши.

– Век не забуду, – в слезах прошептала та.

Гордей вновь похлопывающими движениями по плечу стал утешать кухарку, успокаивающе приговаривая, как маленькой, уводя её с кухни.

– Ну ему-то его светлость точно не откажет. Он-то у нас как за пазухой...

Управляющего в кухне уже не было, но слова его долетели до адресата. Конюх скорее оскалится, чем улыбнулся, и, глянув на Настасью, засмотрелся на её живот.

– Казак?

Настасья чуть виновато потупила взор и вздохнула:

– Да говорят, девка.

– Девка – это хорошо, – улыбнулся ей конюх.

Управляющий Гордей не в первый раз повторил вознице его задачу, тот, кивая через слово, дожевывал пирог с капустой. Вытерев пальцы о камзол, мужичок взял у Гордея письмо и сунул его за пазуху.

– Да, постарайся поскорей управиться.

Гордей повернулся на каблуках и, сделав пару стремительных шагов, чуть не сбил графиню с ног.

Мари спешила отослать и своё письмо, но в этот раз не позабыла о своём «маскараде».

– Ваша светлость, извините! Желаете письмо отослать?

– Да, будьте любезны...

Мари протянула письмо в руки возницы, игнорируя порыв управляющего помочь.

– Доброго пути. Ждём ответа, – любезно пожелала Мари вознице.

Опешивший «доставщик писем» улыбнулся графине беззубой улыбкой и поклонился.

Мари, проводив его взглядом, мимо Гордея прошествовала в особняк.

Оказавшись в холле, Мари, не отдавая себе в том отчёт, подошла к дверям в бальный зал и дернула за ручку. От досады Мари закусилла нижнюю губу. Двери вновь не поддались.

Слишком поздно Мари поняла, что за её спиной стоит дотошный управляющий.

– Ежели её светлость изволит, то её письма могут отправляться с лакеями князя, в индивидуальном порядке и пожелании.

Мари повернулась к собеседнику с милой улыбкой на устах.

– Не стоит беспокойства, благодарю.

Мари отошла от запертых дверей и стала подниматься к себе в комнату. Она спиной чувствовала на себе недобрый взгляд управляющего.

Быстрыми уверенными шагами старший конюх пересёк парк и заметил ярко-голубое платье Кити. Конюх решительно направился к ней.

В чём-то Гордей был прав относительно отношения князя к старшему конюху. Он не титулованная особа, не прибеднялся и не лебезил перед князем. Он держался уверенно и точно зная, что отказа не будет в чём бы то ни было.

Конюх приблизился к Кити и князю и сразу перешёл к делу.

– Барышня, у меня в конюшне, за стойлом Зевса, моя рыжая окотилась...

– Котят! – радостно вскрикнула Кити. – Ты их оставил?!

– Оставил.

– Всех? – изумилась Кити.

Конюх улыбнулся в ответ. Кити, поцеловав отца в щеку, помчалась к конюшне.

– Ловко... – промолвил князь, глядя вслед дочери.

– Ваша светлость, просьба есть...

Влад посмотрел долгим взглядом на конюха.

– Наша светлость слушает, – с ироничной серьёзностью произнёс князь.

Конюх чуть улыбнулся на это.

– Влад, у нашей кухарки беда приключилась, – начал рассказывать конюх.

И они не спеша пошли по аллее в сторону дома, как пятнадцать лет назад. Только теперь они были не мальчишками.

Кити, оттирая руки и отряхивая своё светло-голубое платье, вошла со двора в кухню. Она озорно улыбнулась, увидев свою любимую няньку.

– Добрый день, нянечка. Можно мне молока для... Что с тобой?

Кити подбежала к скамейке, на которой сидела Неёла Ануфриевна, и опустилась перед ней на колени.

– Няня, что случилось? Родная моя, на тебе лица нет...

Кухарка залилась слезами, вызванными жалостью близкого человека. Она сгребла Кити в объятия и, уткнувшись в её плечо, разрыдалась ещё пуще прежнего.

– Настя, говори! – приказала служанке Кити.

Настасья хлопала своими большими глазами и, открыв рот, не смогла издать ни звука.

Неёла, поуспокоившись, высморкалась в фартук и отёрла свои мокрые щёки.

– Деточка, письмо я получила. Ох, худое письмо! Сын мой, Клим мой, ждал ребёночка. Невестка разродиться должна была вот-вот... ну и вот, не смогла.

Бездонные глаза Настасьи от этих слов стали ещё больше.

– Ну что ты, как корова пуганая, уставилась на меня, – вывела из оцепенения её Неёла.

Кити поднялась с пола и присела рядом со своей няней, обхватив её большие мозолистые руки своими ладошками.

– Ты мне скажи, если я хоть что-то могу для тебя сделать, нянюшка моя...

Кити, всхлипнув, уже не в силах сдержать слёз, судорожно вздрагивает от сотрясающих её рыданий.

– Да, что ж ты сделаешь, голубка моя?

Настасья, уткнувшись в угол, тихо глотает слёзы.

– Сейчас всех утопите, – послышался с порога голос конюха.

– Добро дал князь. Со мной на конюшне твой будет.

Конюх сказал это кухарке, даже не взглянув на неё. Неёла приподнялась и направилась к нему.

– Дай бог здоровычка... – не успела она договорить, конюх отломил кусок хлеба и вышел во двор.

Он любил Неёла, хорошая она была баба, добрая. И Кити любил всем своим сердцем. Но не осталось в нём мягкости и душевной теплоты. Вышло всё. В день её гибели всё ушло...

Мари прохаживалась по своей комнате с томиком Шекспира в руках. Её босые ноги утопали в ворсе ковра, солнце отливало золото её волос. Мари взяла одну шелковую прядь и накрутила на палец, продолжая своё движение по комнате и произнося чуть слышно прекрасные рифмы:

Как грешник, изгнанный из рая,
На свой грядущий темный путь
Глядел, от страха замирая,
И жаждал прошлое вернуть.

...Потом, бродя по многим странам,
Таить учился боль и страх,
Стремясь о прошлом, о желанном
Забуть в заботах и делах, —

Так я, отверженный судьбою,
Бегу от прелести твоей,
Чтоб не грустить перед тобою,
Не звать невозвратимых дней,

Чтобы, из края в край блуждая,
В груди своей убить змею.
Могу ль томиться возле рая
И не стремиться быть в раю.

Мари подошла к окну и посмотрела на вид простирившегося парка, её взгляд задержался на силуэте мужчины, что повернулся лицом в её сторону и запрокинув голову, вдохнул полной грудью свежий воздух.

Наблюдая за ним из своей комнаты, она выдохнула вместе с князем.

Громкий стук в дверь заставил женщину буквально отскочить от окна. Он прозвучал в определённом ритме, и поэтому Мари тут же ответила:

– Да, Кити. Входи.

Для Мари было довольно неожиданно увидеть девушку с опухшими глазами и покрасневшим носом, да ещё в великолепном светло-голубом платье – напрочь испорченным грязными пятнами и разводами.

– Что случилось, Кити? – подалась навстречу Мари.

– У моей няни беда. У её сына жена умерла, родами.

Кити рухнула на кровать и залилась горячими слезами.

– Как ужасно, – словно самой себе промолвила Мари.

Она присела на кровать рядом с Кити и погладила девушку по дрожащей спине. Кити приподнялась и упала в объятия Мари, крепко обняв её за талию.

– Мари... Отец дал ему место конюха у нас в поместье, чтобы тот был рядом со своей матерью...

Не договорив, Кити взглянула на Мари и увидела в глазах графини слёзы.

– Прости меня, Кити... говори же дальше, продолжай.

– Мари?

Мари чуть отстранилась от Кити.

– Как мне сейчас совестно, Кити. У меня никакой беды не произошло. Все живы и здоровы...

– Тогда что же?

– Я скучаю, Кити. Я безумно скучаю.

– У тебя есть возлюбленный?!

– У меня есть любимый, Кити. И я не представляю, как прожить следующий день вдали от него...

– Как это прекрасно: любить и быть любимым.

Мари решила сменить тему и, улыбнувшись, хитро взглянула на Кити.

– Кити, скажи на милость, мне показалось или же и вправду ваш управляющий Гордей, как сторожевой пёс, охраняет вход в бальный зал?

Кити встала с кровати и прошлась по комнате, вздохнув, она вновь плюхнулась на то же место.

– Мари, это действительно так. Мой отец запрещает туда входить кому бы то ни было, – с досадой выпалила Кити.

– Почему?

– Этот зал очень любила мама. Она проводила в нём много времени. Там стоит её рояль...

– Но как же, Кити? Ведь то, что принадлежало твоей маме, то, что она любила, это принадлежит и тебе. Это и твои воспоминания. Почему твой отец столь эгоистичен?

– Нет, Мари. Позволь с тобой не согласиться. Я плохо помню маму, а отцу эти воспоминания причиняют боль. Это наше общее решение. Думаю, ему так спокойнее и проще. И я согласна на это лишение, если отцу так это необходимо.

– Кити, я сама мама. И мне было бы страшно, если бы моему сыну не оставили бы «частицу» меня, воспоминания обо мне.

В глазах Мари вновь блеснули слезы.

– Это так важно и так ценно! Моему счастью восемь лет, Кити. Он только научился бегло читать и настаивает, чтобы я обращалась в своем письме к нему напрямую. Смешной мой. Каждый раз, когда я его укладывала, он мне говорил: «Положи свою головку рядом с моей и поцелуй меня покрепче. Я не засну, а ты поспи, поспи, моя Либяничка».

– Чудесный мальчишка. Ты нас познакомишь?

– Обязательно. А ты позволишь мне попытаться исправить ситуацию с бальным залом?

– Если отец будет не против.

– О, обещаю тебе, что буду щадить его чувства. Я очень аккуратно, доверься мне.

Кити, чуть поразмыслив, кивнула Мари в знак согласия.

– Кити, между прочим, скоро твой первый бал. А мы совершенно не готовы!

– Как же нужно подготовиться?

– Прежде всего мне хотелось бы выяснить, умеешь ли ты танцевать вальс?

– Нет, Мари, – опечалилась Кити.

– Это беда!!!

Кити рассмеялась на эту «нотку паники» Мари.

– Ну да ничего. С завтрашнего дня начнём разучивать вальс, – торжественно заявила она, приподнявшись и закружив по комнате в ритме: раз-два-три...

Вальс Мари прерывает стук в дверь.

– Кто это? – понизила голос Мари.

– Это Лизи, госпожа. Можно войти?

– Минуту

Мари надевает пенсне. Кити помогает нацепить ей чепец и подаёт трость.

– Входи, Лизи.

Горничная, переступив порог комнаты, присела в легком поклоне.

– Его светлость просит вас и княжну пожаловать к ужину.

Мари улыбнулась горничной:

– Мы идём, милочка, идём.

Лизи, улыбнувшись в ответ, покидает комнату графини.

Кити и Мари, переглянувшись, живо доканчивают начатое. Мари рисует брови сурьмой, а Кити тщательнее запрягивает её локоны под чепец.

За обеденным накрытым к ужину столом сидит князь. За его спиной управляющий Гордей, чуть склонившись над князем, наливает в бокал вино.

– ...Я лишь предупреждаю вас, ваше благородие. Эта особа ведёт себя странно и очень подозрительно. Может, нам вызвать...

Слова и действие Гордея прерывает появление Кити и графини. Управляющий тут же, отходя от князя, даёт знак лакеям.

Мари, как было обещано Кити, в прекрасном настроении и с улыбкой.

– Добрый вечер, ваша светлость. Что-то погода сегодня действует на мою голову. Мигрени – страшное дело!

Князь немного удивлён такому повороту. Но, ничем себя не выдав, князь поднялся с места и кивнул графине, отодвинул для неё стул.

Мари, прихрамывая, подошла и уселась на предложенное место.

– Я так полагаю, вам помогает от недугов лимонный эфир, – скривился князь.

– Вы совершенно правы, ваша светлость. Лимон чудесен в своих полезных свойствах. К тому же я его совершенно не ощущаю. Считается, что если вы не чувствуете свой аромат на себе, значит, он вам безусловно подходит.

– Безусловно.

Князь поцеловал дочь и помог ей занять место за столом.

– Однако свежий воздух тоже не помешает.

Князь дал знак управляющему распахнуть окно и занял своё место.

Повисла тишина.

– Мы можем прогуляться на конюшню, посмотреть родившихся котят!!!

Кити сама понимала, что подобное предложение звучало глупо, но правильный настрой и хорошее настроение куда-то безудержно ускользали.

– Что? Прости, милая, я из-за этих головных болей, кажется, теряю слух... Ты меня приглашаешь в конюшню? – вежливо поинтересовалась графиня.

Смех князя окончательно убедил Кити в совершённой глупости. Она дала им повод вновь сцепиться.

– Кити, я тебя приглашаю в конюшню, посмотреть котят, – наконец успокоившись, промолвил князь, глядя на графиню.

– Ваша светлость, вы определённо действуете во вред, – тут же завелась Мари. – В следующий раз, когда Кити пригласит кто-нибудь в конюшню, а она, благодаря вашему примеру, сочтёт это нормальным, могут случиться, мягко говоря, неприятности. Молодые барышни не должны появляться в конюшнях, ваша светлость!!!

– Кити, я надеюсь, ты у меня не глупая курица и понимаешь, что это исключение. Почему-то наша драгоценная графиня полагает, что у тебя нет мозгов?!

– Ну, это переходит всякие границы!!! – соскочила со своего места графиня. – Вы ведёте себя неподобающе. И ваше поведение оскорбительно. Но самое страшное то, что вы не понимаете, драгоценный князь... Это вы прежде могли себе позволить подобное поведение! Но всё изменилось. Вы выводите в свет юную особу. И теперь успех Кити напрямую зависит от вашего поведения, но вы не осознаете этого! Ну что же, продолжайте в том же духе... Ваша слава «затворника-убийцы» идёт впереди вас!

Тишина была почти осязаема, казалось, она длится бесконечно долго.

Мари почувствовала, как на её затылке зашевелились волоски и мурашки заплясали по коже. Мари медленно опустилась на своё место. До неё только сейчас стал доходить смысл сказанных ею слов.

Тем не менее Мари сделала глоток вина и с вызовом посмотрела на князя.

Князь, напротив, старался не смотреть на графиню во избежание непредвиденного.

– Вы правы, графиня, – медленно произнес он чуть громче шёпота. – Я ни черта не смыслю в «правилах приличия»... Кити не избежать... mauvais ton...

Князь поднялся с места и, подойдя к дочери, оставил поцелуй в её светлых волосах.

Князь посмотрел на графиню и совершенно спокойно добавил:

– Мы в вас более не нуждаемся...

Поклонившись, князь вышел.

Горничная Лизи, прожевав картошку, надкусила огурец и продолжила свой рассказ:

– Очень она забавная. Сама всегда готовится. И ванну даже принимает сама! Со странностями она. Но незлобивая, и хорошо.

Рядом с Лизи сидела служанка Настасья и возила ложкой в тарелке, у неё давно пропал аппетит из-за последних событий.

– Может, просто не любит, чтобы вокруг неё кудахтали? – предположила она.

Кухарка поставила на стол меж ними пирог.

– Вот куры, сами-то... сами...

В кухню входит Гордей. Он улыбчив как никогда и в приподнятом настроении.

– Его светлость окончил ужин...

Все присутствующие посмотрели на управляющего с недоумением. А Гордей подсел к Настасье на скамью и, глядя куда-то вдаль, заулыбался ещё шире.

– ...Назвала его убийцей-отшельником, – наконец произнёс он.

Охнули все. И Неёла под села к Гордею:

– Да как же так?!

В кухню вошёл лакей с нетронутым ужином на подносах.

– Думаю, она надолго тут не задержится, – умно заявил он.

– Завтра графиня нас покидает. Князь сказал, что в её услугах более не нуждается.

Гордей подскочил со своего места

– Давайте-ка все хорошенько поужинаем... и с вином!!!

Печальный взгляд Кити скользил по мраморной лестнице. Она поднималась с тяжёлым сердцем, а за ней молча, опустив виновато голову, шла Мари.

– И никакого тебе вальса... – прошептала с обидой Кити.

Мари нагнала её и взяла под руку.

– Не беспокойся, дорогая, я извинюсь и всё исправлю. Ума не приложу, как же я так...

Мари проводила грустную Кити до дверей в её спальню.

– Доброй ночи, Мари, – не глядя на собеседницу, произнесла Кити и скрылась в комнате.

– Доброй ночи, дорогая. Не переживай, – подбодрила её Мари напоследок.

Мари пошла дальше по коридору. Как же она была собой недовольна, сказать такую глупость! Но князь совершенно вывел её из себя, и Мари не сдержалась. Вообще князь казался Мари вспыльчивым, и его скверный характер вполне себе оправдывал репутацию князя. И раз уж на то пошло, то нет дыма без огня! «Может, о нем говорят правду... Он даже дочери не позволял входить в любимый зал княгини. Настоящий тиран и эгоист».

Среди мерцания свечей, под звуки старинного вальса, в крепких мужских объятиях кружится Элен. Глаза Элен смотрят с восхищением и любовью на своего партнёра. Она улыбается ему, и на её щеках разливается румянец.

Князь стоит у стены и наблюдает за Элен, ему плохо, он задыхается. От нехватки воздуха он расстёгивает верхнюю застежку мундира.

Элен повернула свою прелестную головку и увидела супруга. Улыбка Элен померкла. Она с ненавистью смотрит на Влада. Её лицо мрачнеет и превращается в кошачью морду. Это существо с телом Элен шипит на князя, продолжая танцевать вальс.

Князь оглядывается по сторонам в поисках окон или дверей, но в зале Элен нет пути к воздуху. Князь хрипит и сгибается пополам.

Он видит, как к нему приближаются чудовища в бальных туалетах.

Одно, с крокодильей пастью, обмахивается изящным веером из слоновой кости. Из его зубастой пасти доносятся слова: «Он женился на приданом».

– Какая красивая пара, – захихикала гиена в розовом шёлке.

– Она его ненавидит, загубил такую красоту, – доносится до князя.

– Самолично поджёг, он убийца, убийца... – со всех сторон слышит князь.

– Убийца! Убийца!

Князь вдруг понимает, что у него есть возможность увидеть, кто танцует с Элен и на кого она смотрит с таким обожанием.

Князь выпрямляется через силу и, подойдя к ненавистной паре, поднимает взгляд на противника...

Лев с косматой гривой открывает свою пасть, и Влад видит его шершавый язык и острые клыки...

Князь открыл глаза и беглым взглядом охватил свой кабинет. Он глубоко вдохнул, потом ещё раз и уставился на огонь в камине. Только неровное дыхание выдавало его кошмарный сон.

Обычно Неёла Ануфриевна ложилась рано, потому как вставать приходилось ни свет ни заря. Но в этот вечер она задержалась с собеседниками. Старший конюх и Гордей сидели за столом перед одной горящей свечой.

– Хорошо, что он её отослал, больно любопытная, – подытожила Неёла.

Гордей кивнул.

– Так и норовит в бальный попасть.

– А если она что-то уже знает? – испугалась Неёла.

Гордей уставился на неё изумленным взглядом и замотал головой в отрицании.

Только конюх спокойно пил чай.

– Я поговорю, – отхлебнув горячий напиток, сказал он и вышел с кухни.

Мари, вооружившись шпильками и щипцами, поставила свечу у двери в бальный зал так, чтобы свет хорошо падал на замочную скважину.

Чья-то тень перекрыла Мари свет от свечи. Она испуганно обернулась и, задев свечу, уронила её. Та покатилась по мраморному полу и остановилась, погаснув под мужским ботинком.

Из-за темноты Мари не понимает, кто перед ней.

Этот кто-то поднимает с пола свечу.

Мари, не отрывая взгляда, смотрит на тёмный силуэт. Резкий свет от зажжённой спички на секунду ослепил Мари. Она сощурилась и увидела перед собой суровое лицо старшего конюха.

– Одного пожара этому дому достаточно.

– Да уж, – чуть слышно произнесла Мари.

– Вам не спится по ночам?

Конюх зажгёт свечу, и причудливые тени вновь заиграли по стенам.

– Да, бессонница, – сделав шаг от конюха, произнесла Мари.

– Видимо, место не ваше, – приблизился к ней на два шага конюх. – Завтра я вас отвезу в город, и ваш сон восстановится. Но ещё поговаривают: меньше знаешь – лучше спишь. Идите, графиня, к себе или вас проводить?

Конюх протянул свечу Мари. Она сделала смелый шаг к нему и взяла из его рук свечу.

– Не стоит. Благодарю. Доброй ночи.

Но конюх не отпустил свечу, он пробежал быстрым оценивающим взглядом по ночному платью Мари, по всей длине её роскошных волос и задумчиво почесал бороду.

Конюх опустил руку и отступил на шаг.

Мари пошла к лестнице, но её остановили слова конюха:

– Графиня, я не раскрою ваш обман, а вы если чего тут и выяснили, то постарайтесь позабыть.

Мари изо всех сил старалась не побежать вверх по лестнице. Она с бешено бьющимся сердцем добралась до своей комнаты и заперлась на ключ.

Этим утром Мари проснулась довольно поздно и, поднявшись с постели, сразу же начала сборы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.